

Матьяна
Зеденская

С
ВСЕ РАВНО
ТЕБЯ НАЙДУ
♡

Татьяна Веденская

Я все равно тебя найду

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169466

Татьяна Веденская. Я все равно тебя найду: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-36155-7

Аннотация

И все-таки женщины – странные существа! Пока у них нет реального кандидата в мужа, они страдают, считают себя недостойными простых, незамысловатых радостей и клянут судьбу. Но как только появляется мужчина, готовый (по разным причинам) повести их в загс, капризные дамы спешно начинают задавать себе вопросы: а действительно ли он ее любит, достоин ли он ее?.. Что, если принц, изъявивший желание стать твоим мужем, вовсе не принц, а настоящая любовь где-то рядом? Ах, если б знать Юле Шубиной, кто действительно подарит счастье!.. Если б верить, что единственный не пройдет мимо!

Книга также издавалась под названием «Мужчина моей мечты».

Содержание

Часть первая	4
Глава 1,	4
Глава 2,	22
Глава 3,	40
Глава 4,	57
Глава 5,	73
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Часть первая

Я все равно тебя найду

Глава 1,

в которой история

представляется банальной

Традиционно принято считать, что женщина может быть либо замужем, либо нет. Третьего не дано. Замужние дамы носят обручальное кольцо, словно это какой-то орден Славы, а не простая безделушка из золота триста восемьдесят пятой пробы. Незамужнюю же мадам (вернее, мадемуазель, хотя к девушке «за тридцать» это слово уже не подходит) можно всегда узнать по идеальному макияжу, без которого она не выйдет даже к мусоропроводу. Мало ли кто там будет курить!

Первые относятся ко вторым с некоторым снисхождением, но в душе побаиваются какой-нибудь скрытой атаки на мужей. Мало ли что! Вторые презрительно пожимают плечами и говорят: «Да если бы я только захотела, то была бы замужем через пять минут! Я просто слишком разборчива!», хотя на самом деле их волнует только один вопрос: и что он

в ней нашел?! Риторический вопрос, как вы понимаете. И, конечно, незамужние дамы в каждом симпатичном мужчине младше шестидесяти лет пытаются разглядеть Большую Любовь.

Мне намного проще жить на свете, поскольку я не принадлежу ни к одному из этих кланов. Я жрица чистой любви, которой ни к чему красить ресницы перед походом в булочную за хлебом. Мне ни к чему условности, поскольку я свободна как птица, хоть моя жизнь и наполнена самой чистой, самой прекрасной любовью на свете. Я – совершенное существо. Я уверенно стою на земле и спокойно отвечаю за себя пред лицом господина. Я – мать-одиночка. Да, у меня нет пресловутой стабильности, при которой я обязана подавать ужин в одно и то же время, но я и не одинока, поскольку прекрасный трехлетний мальчик уверен, что я – средоточие всего самого лучшего в мире, самая красивая, умная и добрая женщина на земле. Конечно, это мой сын Артем, Темка. Я абсолютно довольна жизнью, хотя всего четыре года назад, влюбленная и несчастная, пыталась заарканить одного сорокалетнего преподавателя истории. Он казался мне ответом на все мои молитвы. А вот его жена не была со мной согласна... Михаил Артурович оказался быстрее, выше и сильнее меня. Он остался со своей законной супругой, с кафедрой истории и со словами: «Извини, дорогая, но с чего ты взяла, что это именно мой ребенок?» И еще: «Если хочешь, я дам тебе денег на аборт»... И вот, беременная, порядком оскорб-

ленная – но не одинокая (с лучшей подружкой Ольгой Соловейка, заменившей мне психиатра, терапевта и отца ребенка), я была предоставлена своей судьбе.

– Я не могу без него жить! – уверяла я подругу в то время, как она лопала прописанную мне курагу и плевала на все мои стенания.

– Это без меня ты не можешь жить, потому что с детства я у тебя вместо Деда Мороза – решаю все проблемы. А без какого-то козла, который тем более вlepил мне тройку по истории России, проживешь.

– Я его люблю! – настаивала я. – Я сделаю все, чтобы его завоевать! Он поймет, что лучше меня для него никого нет.

– Ну-ну, – усмехнулась Ольга, плеснув себе чаю. – Пляши, клоун, может, дадут конфетку.

– Зачем ты так? – всхлипнула я. – Это же трагедия.

– Я тебя уверяю, что уже через год ты посмотришь на это по-другому. – Ольга по очереди открыла все шкафчики на кухне, тщетно пытаясь что-то там найти.

– Чего ты там копаешься? – я приподняла бровь.

Ольга с задумчивым видом закрыла последний шкафчик и раздосадованно огляделась.

– Неужели в этом доме нет ни одной, самой завалященькой шоколадки? – спросила она.

– Ты настоящий Карлсон! – возмутилась я. – У подруги горе, а она ищет шоколад. Лучше иди и скажи мне, какой он подлец, однозначно!

– Это тебе к Жириновскому надо. Значит, нет шоколада? – Ольга с надеждой уставилась на дверь кладовки.

– Посмотри в зеркало! Тебе не шоколад надо есть, а зеленую спаржу, – подколола я подругу. Ольга была нешуточных размеров и занимала значительную часть моей шестиметровой кухни.

– Спаржу надо есть тебе, – злобно фыркнула подруга и с мученическим выражением на лице доела курагу.

Самое интересное, что Ольга оказалась права. Не насчет спаржи, конечно, а когда рассуждала о моем горе. Через год я действительно на все посмотрела иначе.

Артемчик носился и рожался на удивление легко. Он так сильно хотел появиться на свет, что готов был сидеть в моем животе тихо-тихо, не отвлекая меня от прямых обязанностей. Это я про мои наивные мечты «показать, как он ошибался» и «достучаться до его отцовского чувства». Михаил Артурович ходил по коридорам моего родного гуманитарного университета, глядя сквозь меня и игнорируя мои демонстративные комбинезоны для беременных.

– Еще ни одного мужика никто не удержал с помощью живота! – заверяла меня Ольга, жалостливо взирая на все мои «ходы конем». После чего сама влюбилась в Женьку Пронина, нашего светила программирования с параллельного потока, и немедленно принялась рожать ему детей.

– Ну вот! Работает же! – восклицала я, тыча пальцем в Ольгин штамп в паспорте. – Всего одна дочь и понадобилась!

– Не тренди. Он меня любит и без Васюты, – важно заявила Соловейка, сверкнув новеньким обручальным кольцом.

А потом, чисто для гарантий, в качестве контрольного выстрела прибавила к дочке Василисе сына Шурика, после которого Женька стал волчком бегать по городу, зарабатывая деньги на все семейство. И конечно, эдакая семейная идиллия внесла бы невосполнимую брешь в нашу многолетнюю дружбу, если бы не тот факт, что мы неожиданно и почти одномоментно стали обладательницами трех практически одинаковых по возрасту и степени шума-гама детей. Когда я начинала орать на трехмесячного Темку, не выдерживая его исполинского четырехчасового воя «ни минуты покоя, знайте, враги, я пришел», Оля выползала из своей квартиры на верхнем этаже и, беременная Васютой, шла, чтобы укачать Тему, пока я металась по району в поисках глотка свежего воздуха. Вскоре ситуация изменилась.

– Я сойду с ума! – кричала она на одномесячную Васюту, которой было хорошо только в одном положении – на маминых руках в режиме раскачивания с радиусом сто восемьдесят градусов.

– Иди погуляй, – вздыхала я и оставалась один на один с двумя голосащими младенцами.

Васюта плевалась и требовала мать, Темка кусал меня за грудь четырьмя зубами и отказывался выпускать сосок из губ хотя бы на минуту. Это была настоящая проблема, но трудности, как известно, сплачивают. Мы жили как одна семья.

Особенно в те моменты, когда Женька был на работе.

Однажды, когда девятимесячный Темка игнорировал Олины погремушечные заигрывания и пытался сорвать с меня лифчик, ловко орудуя маленькими ручками, подруга сказала:

– Весь в отца! – имея в виду, естественно, моего сияющего историка.

– Странно, я совсем о нем не вспоминаю с тех пор, как Темчик родился, – поразилась я.

И действительно, место в моем сердце, до этого плотно занятое моей первой (не по счету, но по значимости) Большой Любовью – Михаилом Артуровичем, освободилось под грузом Темочкиных децибел, а впоследствии и вовсе было окончательно и бесповоротно занято им же самим.

– Зачем вспоминать идиотов? – философски отметила Ольга.

– Не знаю, идиот он или нет, вроде на учете в диспансере не стоит. А все-таки странно, что ему совершенно не интересно, как растет его сын. Все же это не слишком нормально, не считаешь?

– Это есть уникальное явление современности: одинокая мать, полностью владеющая самым драгоценным призом – сыном-наследником, – Ольга вещала, подняв вверх указательный палец. – Наш мир явно сошел с ума, если мужчина, вместо того чтобы с руками оторвать у тебя этого мальчика, а тебя посадить под замок, отпихивается, как только может,

от самого большого счастья.

– Я бы поняла, если бы у него были сыновья в каждом порту, – подметила я, – но ведь нет, ни одного мальчишка (насколько я была осведомлена, с законной женой у него была только одна дочь).

– Заметь, когда он об этом задумается, будет поздно! И потом, еще ни один мужчина не смог родить себе сына самостоятельно. Наше безумное время делает из мужчин манекенов. Они и сами уже не понимают, в чем наколка, – лила бальзам на мои раны добрая подружка.

– Ты знаешь, я так с тобой согласна, так согласна! – всхлипывала я. А Михаил Артурович, наткнувшись в институтском коридоре на меня с Артемкой в кенгурушке (я пришла получить диплом, который из-за родов и последовавшего караула так и валялся в деканате), с такой скоростью рванул в противоположном направлении, что я села и разрыдалась прямо посреди этого самого коридора. Последняя моя мечта о том, как мой избранник прослезится от гордости, увидев круглое улыбающееся личико своего единственного сына, была жестоко разбита!..

– Не думаю, что он когда-нибудь о чем-то задумается, – зло сказала тогда Ольга. – А знаешь, пошел он! Сами вырастим!

– Причем всех, – кивнула я. Так мы и жили, Ольга с мужем и детьми, я – с Ольгой, а Артем со мной. Большая дружная семья. Откровенно говоря, прошло уже три года, за ко-

торые образ блистательного рыцаря в исторических доспехах несколько померк. И сейчас, когда Тема отправился нести свою трудовую вахту в детский садик, я окончательно оправились от потрясения, связанного с крушением моей Большой Любви.

– Пора переходить к маленькой, – уверенно заявила Ольга. – Теперь, Юлька, ты сама должна получать удовольствие от жизни.

– Не могу сказать, что в прошлый раз я удовольствия не получала, – в целях справедливости возразила я. – Однако за удовольствие пришлось довольно дорого платить.

– Это цена за независимость, – подметила подруга. – Вот скажи, ты теперь мечтаешь выйти замуж?

– Если только за миллионера, – процедила я.

Работа операциониста в банке, которой я занялась после того, как спланировала ребенка в места детского заключения, давала мне неплохую финансовую независимость, а мечты о счастливом браке умерли вместе с рождением ребенка. Этим мы – матери-одиночки – и отличаемся от всего остального незамужнего женского мира. Мы уже понимаем, что почему и как устроен этот мир, но при этом не страдаем комплексами и самообманом. Да, не замужем. Но и не одинока. Я мать – а этого для женщины более чем достаточно.

– А зачем тебе замуж за миллионера? – придуриваясь, изобразила удивление Ольга. Мы сидели с ней около подъезда, пытались вымотать до усталости и обессиливания весь

наш энергичный и неумный выводок детей. На дворе облетал желтыми листьями теплый и мокрый октябрь, и домой мы не спешили.

– Например, я наняла бы няню, которая бы сейчас вместо меня перла бы Темыча домой и заставляла лезть в ванну, – немедленно нашла я применение миллионеру.

– А ты? – заулыбалась Оля.

– Я бы пила «джин с тоником», только без «тоника», читала бы какой-нибудь умный географический журнал и готовилась бы принять пенную ванну.

– Что-то я в этом парадизе не наблюдаю твоего миллионера! – поймала меня подруга.

Я вздохнула:

– Ты права, черт возьми. Он может идти по своим делам. Пусть только кредитную карточку оставит.

– Значит, теперь ты не ждешь любви, – констатировала Олечка.

– Ну, почему, – процедила я. – А впрочем, да. Если бы мужик как-то сильно помог мне решить все мои проблемы, еще может быть, а так... Самая Большая Любовь моей жизни уже в прошлом.

– Вернее, она бежит вон в той канаве, перемазанная как свинья.

Оля подорвалась с места и помчалась к детям. Она еще надеялась, что наши с ней разбойники, Васена и Артем, если и упадут в придорожную канаву, то хотя бы Шурика поми-

луют и оставляют на суше. Не тут-то было. Малыши били без промаха, так что через несколько минут мы с Ольгой, пыхтя и ругаясь, тащили наших чумазых «ангелочков» по лестничной клетке, стараясь свести до минимума телесный контакт с ними. Иначе нам пришлось бы отстирывать и свою одежду тоже. Банальное и совсем обычное счастье после обычной банальной драмы.

А между тем вся эта страшно банальная жизнь совсем не казалась мне пресной или скучной. Жизнь делается ведь не внешним лоском и громкими событиями. Мне, например, редко когда приходилось скучать. Начать с того, что у меня имелась злющая и вреднейшая старшая сестрица, отравившая мне лучшие минуты детства. Галка испытывала мое терпение и сейчас, когда мы обе выросли.

– Кто бы мог подумать, что на тебе кто-то женится! – воскликнула сестрица, узнав, в каком я интересном положении. Когда же, к ее вящей радости, выяснилось, что жениться-то как раз на мне никто и не собирается, она не отказала себе в удовольствии поваляться на косточках. Самая настоящая Баба-яга. – Все совершенно объяснимо! Какая бы из тебя вышла жена?! – всплеснула она руками, игнорируя тот факт, что сама она была стерильно одинока и свободна. А ведь старше меня на восемь лет! Галка, кстати, и до сих пор все так же наивно и стойко красится перед тем, как вынести мусор, хотя за все ее тридцать три года жизни на нашей лестничной клетке так никто нужный и не закурил.

– Я прихожу в ужас, когда представляю, какая из нее выйдет мать! – патетично рассказывала она всем своим подругам. – Придется, как всегда, все делать за нее.

– Ага, – кивнула я и подумала, что если все будет как всегда, то моего мальчика ждет нелегкое детство.

Так что я нисколько не скучала. Нескончаемая война с сестрицей вносила разнообразие в мою жизнь. Галка ежедневно норовила доказать всем, что я отвратительная мать и если бы она имела сына... у нее, конечно, все было бы в идеальном порядке. Ну а моей задачей максимум было обеспечение надежной изоляции и защиты малыша от «любящей» тетки.

– Вы только посмотрите, в каком ребеночек виде! – немедленно всплеснула руками Галина, лишь только мы с чумазым, но страшно довольным Артемом переступили порог дома.

– На-ка, возьми и отведи его в ванну, – я сделала вид, что отдаю ей Темку. Тетенька ожидаемо отшатнулась.

– Ты его испачкала – ты его и мой! – с важным видом заявила она, ретируясь в комнату.

Я с облегчением перевела дух. Мне надо было подготовиться к завтрашнему дню, самому длинному и тяжелому за всю неделю. Перед пятницей мне бы не хотелось тратить свои силы на словесную перепалку. Я быстро вымыла Артема, впихнула в его нагулянный голодный ротик гречневой каши с молоком и отправилась спать.

Сон – самое главное, самое важное естественное право человека. Спать в идеале надо не меньше восьми часов в день, правильно рассчитывая момент отхода ко сну, обеспечивая доступ свежего воздуха в помещение для сна и располагаясь на удобном ортопедическом матрасе, на котором ничто (и никто) не воспрепятствует твоему телу принять максимально удобное положение. Желательно за несколько часов до сна не есть и не заниматься активными делами. С утра просыпаться лучше самостоятельно, не пуская в ход механический звон будильника. Мало ли на какой стадии сна он вас выдернет? Вдруг из-за этого ваш организм не сможет достойным образом завершить ночной отдых? Что ж тогда делать? Кричать караул?

Лично мой организм может спать где угодно и когда угодно. Вначале, когда Тема только воцарился в нашей малогабаритной, смежной трехкомнатной квартире, набитой женщинами самых разных возрастов (Я, Галина, мамуля и бабуля), он спал с интервалом в полчаса. Именно так: полчаса ест, полчаса спит, полчаса орет. Галина влетала в мою комнату несколько раз за ночь и орала:

– Немедленно успокой его, это может ужасно сказаться на его здоровье! – я понимала, что речь идет вовсе не о его и даже не о моем здоровье.

– Купи беруши! – орала я ей вслед, но тогда Галка нашла железные аргументы, чтобы пробудить мою спящую дистрофичную совесть.

– Вот, от этих криков у бабушки поднялось давление! Сделай что-нибудь, а то бабушке придется вызывать «Скорую», – трагично вещала Галка, накапывая в моей комнате валидол.

Конечно, после этого я хватала Темку на руки и старалась заглушить малейший его писк. Сестрица отбывала спать, а у меня практически натурально к полугодию сына потекла крыша. Какие, на хрен, восемь часов! Набрать бы в общей сложности три!

– Попробуй спать с ним, – зевнула как-то, глядя на мое несчастное лицо, беременная и весьма хорошо отдохнувшая Соловейка.

– Что ты, это ж непедагогично! – воскликнула я.

– Наплюй! – уверенно кивнула она. – Здоровье дороже.

– Ты считаешь, я не нанесу вред его психике?

– А как насчет твоей? – резонно спросила Оля. Следующей же ночью я уложила Тему рядом с собой, сунула ему в рот грудь и счастливо уснула. Нет, нельзя сказать, что спать с грудным ребенком в кровати – мечта. Конечно, он пинается, конечно, я постоянно боюсь, что задавлю его во сне, поэтому сплю на краю кровати, почти с нее свесившись. Но ведь я сплю почти семь часов полноценного сна! А иногда и все десять! Артем приучился, даже проснувшись раньше меня, лежать спокойно, давая мне лишний часок поспать.

С тех пор мне наплевать на правила сна, правила воспитания и вообще любые другие правила.

Но вся эта антивоспитательная лафа закончилась, когда я вышла на работу. Каждое утро (кроме благословенных выходных) я поднимаю свою задницу с постели в шесть утра (кто-то должен за это ответить!), натягиваю на сладко спящего ребенка кучу штанишек-маек-курток-шапок и несу его в садик. К семи утра!

– Оставляйте его в дежурной группе, – с ненавистью глядя на меня, сказала заведующая, когда я проделала это в первый раз.

– Хорошо! – проигнорировала я ее явный намек, что неплохо бы приводить мальчонку чуть позже. Хотя бы к восьми. Ничего подобного, в восемь часов я уже должна быть на рабочем месте, потому что в восемь тридцать ко мне потянется очередь из желающих провести платеж, погасить кредит или открыть накопительный счет в нашем отделении большого коммерческого банка «Нефтегаз». Нефть, помноженная на газ, привлекала к себе толпы юридических и физических лиц, а также соискателей, всегда готовых занять мое место, если я допущу какой-то промах. А поскольку я очень хотела ежемесячно получать свои семь сотен зеленых, Тема стабильно оказывался в садике ровно в семь ноль-ноль. Первые месяцы он плакал, канючил и издевался над воспитателями, но потом привык и даже умудрялся добираться до садика, особенно не просыпаясь. Я укладывала его, спящего, на кушетку в дежурной группе (где тоже, собственно, никого, кроме сторожа, не было), и он спал до восьми, а потом

вставал и шел в свою группу. Можно сказать, мы достигли гармонии. Всю неделю Тема вел себя как мужественный герой хорошего романа, а в пятницу я забирала его пораньше, и мы шли вместе с Олей, Женей и их выводком в баню недалеко от наших домов на Тимирязевской, где дети всей толпой отрывались за прошедшую неделю. Они пять минут сидели в жаркой, даже душной сауне, а потом два часа без остановки плескались в ледяном бассейне.

– Они не простудятся? – боялась поначалу я.

– Дети в банях не простужаются, – изрекла Ольга и продолжила намазывать медом свою филейную часть.

Оля верила, что мед способен избавить ее от целлюлита, даже если она будет продолжать пить чай с тортиками по три раза на дню. Дети с угрожающе синими губами наперебой кричали «ну, еще немножко», «пять минуточек», «ну, пожалуйста». Я, конечно, первое время сомневалась и волновалась, но потом, когда за целый год Тема заболел только в ту неделю, когда мы НЕ поехали в баню, эта традиция стала для нас священной. Почти как в «Иронии судьбы», но только гораздо чаще.

Именно этим мы и занимались сегодня, устало стирая с лица пот и лениво рассказывая друг другу, как прошел день. У меня он прошел как и всегда. Я старательно отлынивала от лишней работы, упрединительно выполняя необходимую свою.

– А я сегодня вычитала, что если есть только мясо, то очень быстро можно похудеть. Хочешь? – поинтересовалась

Оля.

– Я? – удивилась я. При моем темпе жизни я не набирала ни грамма, даже если бы съела целую тонну. Да, от природы у меня имелись достаточно тяжелые, крупные бедра, которые доставляли мне массу неприятных минут. Но я давно убедилась, что даже если я вообще брошу есть, мои бедра останутся прежними. Кости не худеют, но могут начать выпирать из-под кожи, что будет еще хуже, чем есть. Кроме того, моим главным замечанием к собственной внешности были короткие ноги, которые не смотрелись в юбках, даже если надеть туфли на жутко длинных каблуках. И, конечно, круглое лицо, слишком широкие скулы. В общем, я старалась не думать о внешности, чтобы не расстраиваться. И тем более мне не были интересны бесконечные Ольгины диеты, которые так ничем ей и не помогали.

– Ты что! Белок творит чудеса! – распиналась она, стараясь уверить всех и себя в том числе, что на этот раз все будет иначе.

– Давай ты первая попробуешь, – деликатно отказалась я.

– Предательница! Все опыты на мне ставите, на мне уже живого места нет, – захныкала Оля. – Между прочим, ты могла бы многое изменить в себе, если бы захотела.

– Ага, – кивнула я. – Только что-то не хочется. Я предпочитаю удобную обувь, от которой не хочется сесть посреди улицы и расплакаться. И ветровки я предпочитаю коротким курткам, открывающим живот. И вообще, вся эта мода

– дряннь.

– Но как же тогда мужики тебя заметят? Ведь ты не собираешься всю жизнь провести, сидя у окошка своей кассы. Женя, ты обратил бы внимание на нашу Шубину, если бы встретил ее на улице? – Оля решила ударить своим главным аргументом – обращением к мужчине.

– Конечно! – с готовностью отреагировал Женька.

Ольга нахмурилась и прикусила губу.

– А что бы ты заметил?

– Ну, что не перевелись еще на Руси ломовые бабы, – немедленно обломал мои надежды Женька.

Ольга удовлетворенно цыкнула.

– Ну, не знаю, – уперлась я. – А пусть мужики замечают, какая у меня трепетная душа. Нет, не для того я рожала Артема, чтобы снова надевать шпильки и переходить на одно только мясо. И потом, мне кажется, что такая диета откровенно вредна.

– Да уж, доброго слова от тебя на дождешься, – вздохнула Соловейка, и мы пошли вылавливать наших детей из ледяной воды.

Через час, усталые, сонные и довольные, мы подходили к дому. Все было как всегда, ничто не предвещало бури, которая разразилась буквально через несколько минут. Когда-то я все отдала бы, чтобы случилось то, что случилось, а теперь... Теперь, открыв дверь в квартиру и увидев то, что я увидела, я сказала себе, что, к сожалению, сладкого после-

банного сна мне не видать как своих ушей. А жаль!

Глава 2, доказывающая, что банальная жизнь – не так уж и плохо

К слову сказать, все самые симпатичные события моей жизни, как правило, случаются именно тогда, когда я совершенно этого не жду. Или еще не жду, или уже не жду. Бывало, что я вообще не ожидала того, что происходило. Например, мое поступление в институт. Откровенно говоря, в школе я видела свое будущее в таких домашне-полевых красках. Знаниями я не блистала, училась серединка на половинку. В общем, была твердой троечницей, потому что панически боялась публичных выступлений. Я показывала неплохие результаты в письменных работах, особенно в сочинениях, но немела как рыба, стоило учителям вызвать меня к доске.

– Чему равен икс ? Молчишь? Хорошо! Скажи хотя бы, где здесь икс , и я отпущу тебя с миром, – умоляла меня математичка.

– Кто такой Дубровский? Кто такая Маша? Чего они друг от друга хотели? – билась в истерике русичка. Я стойко молчала, как Мальчиш-Кибальчиш. В итоге меня старались вообще не трогать, никуда не вызывали и ставили тройки исключительно из уважения к моим родителям, которые клялись и божились, что они со мной все учили и что дома я

отчетливо понимала, где икс и чего хочет от Маши Дубровский. Однако положение обязывало, и я честно считала себя тупицей, так что ни о каком институте даже не мечтала.

И не замечтала бы, если бы не моя драгоценная Ольга, которая первая заподозрила, что не все так просто с моим интеллектом. Мы жили на соседних этажах, сидели за одной партой, прогуливали одни и те же уроки, и уж она-то прекрасно понимала, что молчу я из чистой вредности характера.

– Слушай, ну чего, тебе трудно было ответить?

– А нечего на меня орать, – упиралась я. – У меня нервы. Я у доски каменею. Может, мне ей письма писать?

– Хорошо. Будем учиться выступать публично, – приняла решение Соловейка и стала тренировать меня, заставляя приставать к прохожим, декламируя отрывки классических произведений.

– Я не могу!

– Считай, что они стеклянные, – сверлила меня суровым взглядом подруга. – И вообще, если ты не скажешь вот той страшной тетке в пуховом платке тридцать слов, я тебя заставлю кукарекать на заборе у школы.

– Бегу-бегу, – кивала я, живо представляя себе картинку около школьного поля. Я, красная как рак в кипятке, кричу «ку-ка-ре-ку», а Ольга злится и предаёт меня анафеме.

Не могу сказать, что смогла полностью преодолеть природную неспособность к ораторскому искусству, но некото-

рые приемы я все-таки освоила. А конкретно, если я представляла, что вокруг меня зеленый защитный экран, сквозь который нельзя никому пробиться, я вполне могла что-то там из себя выдавливать.

– Значит, ты ощущаешь опасность, когда тебя заставляют говорить при людях. А что ты чувствуешь конкретно? – пыталась меня Ольга.

– Что мне дадут тумачков! И засмеют, – отвечала я, сама удивляясь собственным ощущениям.

Но Ольга вдруг разгадала головоломку, оставив меня с открытым ртом поражаться, как все оказалось просто.

– Между прочим, это у тебя сестренка отбила весь, понимаешь, дар речи! – выдала она диагноз. – Знаю я твою Галку, небось постоянно на тебя орала и требовала, чтобы ты заткнулась.

– Точно! – вдруг озарило меня. – Она всегда говорила, что я несу чушь и что лучше бы мне и вовсе молчать, чтобы люди не знали, какая я идиотка!

– Вот! Теперь мы точно знаем, что все из-за нее. А поэтому не будем ждать милостей от природы.

– А что будем? – удивилась я.

– Взять их – наша святая обязанность. Неужели ты хочешь просидеть всю жизнь в уголочке только потому, что твоя скотская сестричка в детстве удовлетворяла свои амбиции за твой счет?

– Что?! – ошалела я от сложности конструкции. Соловей-

ка уже в десятом классе поражала меня своим умом и эрудицией.

В общем, к окончанию школы было решено, что мы вместе пойдем в гуманитарный университет. Ольга, само собой, добьется там страшных успехов, ну а меня она надумала взять с собой, чтобы я от рук не отбилась. Вот так и получилось, что сбылась моя несуществующая мечта. Рисуя мысленный зеленый экран, я оттарабанила два устных экзамена, даже не посмотрев в сторону преподавателя. Неожиданно мне поставили пятерки и зачислили в вуз.

– Вот видишь! – радовалась Ольга, показывая мне свои четверки.

Надо отдать подруге должное, ее ничуть не смутило это досадное недоразумение. В любом случае мы были очень счастливы, потому что получили возможность несколько лет по-прежнему сидеть рядом за одной партой и заниматься своими делами. Конечно, до тех пор, пока я не отчебучила Большой Любви с преподавателем истории на четвертом курсе. Тоже, к слову говоря, совершенно неожиданный роман. Он, которому были доступны самые красивые, стройные и длинноногие студентки, жаждущие зачета и острых жизненных впечатлений, выбрал меня, потому что я всего-навсего отлично умела слушать. Я сидела с открытым ртом на всех его лекциях, с благоговением внимала ему на экзаменах. И с таким же благоговением приняла его предложение не толкаться так поздно в метро, а проехаться с ним

на машине.

– Ты просто выглядишь совершенно наивной девчонкой, – анализировала его порыв Ольга. – В то время как он давно привык к распущенным студенткам с сигаретами.

– Образно! Прямо как в жизни, – восхитилась я.

– Ну, а то. И тут ты со своим круглым личиком, курносым носом и наивными голубыми глазками. «Неужели! Что вы говорите! Какой вы умный! Вау!»

– Ну, так ведь сработало! – радовалась я. Роман со взрослым опытным мужиком – это как раз то, что надо в двадцать лет. Если бы только все не кончилось так болезненно. Если б я не решила, что Он – моя судьба, Большая Любовь и все такое. Короче, напридумывала себе всяких глупостей, а потом локти кусала. Впрочем, о чем это я? Все к лучшему.

Были и еще случаи, когда в моей жизни неожиданно исполнялись самые разные желания. Например, однажды я страшно захотела поехать летом на море. Я уговаривала маму, я прессовала папу, я даже пыталась заполучить в союзники Галку, но все было без толку. Все долбаное лето я проторчала на нашей покосившейся даче. Я прополола несчетное количество грядок, поздоровела и округлилась на воздухе и думать забыла о море. И как раз тут папаша принес путевку в крымский санаторий! Отцу выделили ее для поправки здоровья, которое, кстати, действительно к тому времени сильно расшаталось. Где-то через год его сердце все-таки не выдержало, и он умер. Жить без папы – все равно что

жить без руки. Ее уже нет, но периодически она болит и ноет. Впрочем, откуда мне знать, как жить без руки? Могу только сказать, что без папы я несколько лет ходила с ощущением, что я забыла что-то очень важное, но что – совершенно не могу вспомнить. Потом я вспоминала, что папы больше нет, и плакала. Со временем это происходило все реже, но Ольга как-то сказала, что в Михаиле Артуровиче я пыталась найти потерянного отца.

– Задолбала ты меня со своими теориями, – обиделась я.

Но кто знает, возможно, Ольга была не так уж и не права. Главное, что большинство хороших (и вообще) любых событий происходит в моей жизни именно в тот момент, когда я совершенно их не ожидаю. Вот и в эту пятницу я открыла дверь своей квартиры и втолкнула в нее Темыча, мечтая только об одном: поскорее заснуть крепким здоровым сном, предоставив крови восторженно носиться по венам, прогретым горячим паром. Моя кожа изнывала после дубового венника, воображение уже рисовало сладкие сны, но тут я увидела феерическую картину. На нашей кухне в милой беседе застыли моя дорогая «язва» Галина и... кто бы вы подумали? Именно! Михаил Артурович собственной персоной. Чуть более седой и немного потолстевший. У мужчин за сорок каждый год отпечатывается на лице и теле.

Михаил Артурович, чуть вздыхая, что-то душевнейшим образом рассказывал моей сестрице, а та дула на чашку с чаем и внимательно его слушала.

– Что здесь происходит? – ляпнула я раньше, чем мне захотелось сбежать. А сбежать захотелось сразу же, как только Михаил Артурович оторвал липкий взгляд от Галки и перевел его на меня.

– А вот и Юлечка, – приторно улыбаясь, прошептала сестрица.

Мне стало плохо. Версия, что Он пришел не ко мне, а к сестре, была, конечно, не самой приятной, но очень безопасной. Потому что если он пришел ко мне, то зачем? Прошло три года, денег я ему не должна, он мне тоже, поскольку я ничего у него не просила. Кроме Вечной Любви, в которой он мне грубо и цинично отказал.

– Да. Здравствуй, Юля, – проникновенно и почему-то немного пристыженно сказал он, отчего я немедленно запаниковала и потеряла дар речи.

– Что с тобой? – строго посмотрела на меня Галька. – Немедленно поздоровайся с человеком.

Я промолчала, судорожно представляя себя за зеленым экраном.

– Юля, в чем дело? – поднялся из-за стола Он.

– Не буду вам мешать, – сказала я и позорно рванула в комнату. Меня потрясывало. Очень хотелось застучать по батарее в надежде, что Ольга услышит и примчится ко мне на помощь.

– Мама, это кто? – взволнованно спросил Тема, хватая меня за руки.

– Это? Так, один дядя. Просто дядя, – лепетала я, но скотская сестрица уже верещала за дверью:

– Темочка, пойди сюда. Я хочу познакомить тебя с твоим папой.

– Мам? – растревожился сынок. – Она врет?

– Ага, – кивнула я, чуть не зарыдав. – Нет, не врет.

– Нет? – Тема раскрыл рот и покосился на дверь. Потом, к моему ужасу, улыбнулся самой своей чистой и радостной улыбкой и рванул к дверям. Оттуда понеслась возня, голоса, обрывок вопроса «почему ты не приходил раньше». Я не стала слушать ответ, потому что знала, что все равно ни слова правды Он не скажет. Я сидела и смотрела в окно. Господи, какая же я была дура! Зачем я роптала на судьбу? Нам было так хорошо вдвоем, Артемка был только мой и ничей больше. Я могла не переживать, я точно знала, кто подлец, а кто нет. И вот на тебе, пожалуйста. Явился! И что мне с ним делать? Какие у него намерения? А вдруг он еще раз возьмет да и развалит всю мою с таким трудом налаженную жизнь?

– Юля, может, все-таки поговорим? – просунул голову в мою комнату Михаил Артурович.

– О чем? – я угрожающе засопела носом. – Что еще ты можешь мне сказать сверх всего сказанного раньше?

– Я понимаю, как я перед тобой виноват, – удрученно поник он. – Ты только не думай, что я себя как-то оправдываю. Это было просто свинством – оставить тебя одну, с грудным ребенком на руках.

– Да, ты виноват. Да, ты подлец. И позволь тебе напомнить, что ты вообще не хотел, чтобы этот ребенок появился на свет! – гордо высказалась я. Волнение прошло, и зеленый экран работал прекрасно.

– Тише, – вдруг зашипел Михаил Артурович. – Не надо так говорить, а вдруг он услышит.

– А тебе чего?

– Слушай, он такой красивый, – неожиданно Михаил Артурович широко улыбнулся, в его глазах мелькнула отцовская гордость.

Боже мой, когда-то я бы отдала все, чтобы только увидеть эту улыбку. А теперь мне в глаза бросилось только то, что мой Темка улыбается точь-в-точь как его отец. И этого не сотрешь. Я уже и забыла, какой он – мой бывший, а теперь оказывается, что сын как две капли воды похож на него.

– Он очень красивый, но при чем тут ты? – обиделась я, так как покусилась на что-то очень важное и исключительно мое.

– Я не хотел тебя обидеть, но, кажется, ты сейчас не готова для серьезного разговора. Я только скажу, что хотел бы исправить те ошибки, которые совершил. Мальчику нужен отец, я дурак, что не понимал этого раньше.

– И что? Ты хочешь стать ему отцом? – усмехнулась я. – Не поздновато ли?

– Ему всего три года! – напомнил мне Михаил Артурович.

– Три с половиной, – поправила я.

– И отлично. Я еще много всего успею. Я могу собирать с ним авиамодели, могу проверять уроки, водить на детские представления, – принялся перечислять он.

– Мне ничего не нужно, – упрямо проговорила я, но ничего не смогла поделать со своим сердцем. Оно забилось сильнее, рисуя картины счастливого, улыбающегося Темки, его смеха, радости от того, что самый настоящий родной отец подбрасывает его на руках.

– Я оставил твоей сестре денег. Не так много, как хотелось бы, но это только начало. Не надо никак реагировать сейчас. Я позвоню, и у нас еще будет время, чтобы обо всем поговорить.

– Когда? – не удержалась и спросила я.

– Когда хочешь. Хоть завтра. У меня выходной, а у тебя? – он моментально принял и отбил подачу.

– Тоже выходной.

– Ну тогда, может, встретимся? Поговорим, расставим точки над «і». Я только хочу сделать как лучше для ребенка. – Он был искренним. За время нашего романа я успела его немного изучить. Михаил Артурович мог виртуозно врать, мог передергивать факты, если это было в его интересах. И я отлично знала, что он умеет быть жестким. Но сейчас он не врал. И разрази меня гром, если я поняла, что подвигло его на такие жертвы.

– Мы завтра собирались идти в зоопарк, пока не похолодало. Хочешь, пойдем с нами? – проклиная себя за слабость,

предложила я.

– С удовольствием! – хищно улыбнулся он.

Я мгновенно насупилась.

– Но имей в виду, лично меня ты совершенно не заботишь. Если бы Тема так к тебе не рванул, я бы с тобой словом не перемолвилась.

– Ну, не надо меня добивать. Лежачего не бьют, – поднял руки в шутовой капитуляции Михаил Артурович.

Я отвернулась, всей спиной демонстрируя, как он мне безразличен. Через минуту по звуку закрывающейся двери поняла, что он ушел. Для страховки еще какое-то время посидела в комнате, а потом выскочила, чтобы успеть перехватить сестру до того, как она убежит разнести сплетню по всему двору. Сплетницей она была профессиональной. Можно сказать, это было единственным, что она умела делать в совершенстве. А какие еще могут быть занятия у старой девы?

– Галка, откуда он тут взялся? – пристала я, загораживая собой вешалку с куртками. Как я и думала, Галина уже навострила лыжи в сторону выхода.

– Иди дай бабуле попить. Она просила. – Проигнорировав мой вопрос, сестра пыталась выхватить хоть что-то из-за моей спины.

– Бабуля подождет. Она никогда меня не узнает и даже иногда просит, чтобы официант принес счет, так что это точно не важно. Говори, откуда он взялся!

– Он позвонил. Спрашивал тебя, а я ему сказала все как

есть. – Галка старательно отводила глаза. Мне стало интересно.

– А как есть? – Я уперла руки в боки, давая понять, что не выпущу ее живой.

– А так, – кусая от досады губу, выдала мне она. – Что ты каждую пятницу пытаешься заразить несчастного мальчика воспалением легких! Разве можно купать его в такой ледяной воде? И Олька твоя – шарлатанка.

– А что же они у нас ни хрена не болеют?! – мгновенно завелась я.

– Дуракам везет, – показала мне язык эта тридцатитрехлетняя, солидная с виду мадам.

– Да ты сама-то откуда можешь знать, как воспитывать детей? – усмехнулась я.

– А что, ты думаешь, если случайно родила от преподавателя, так сразу поумнела и стала Макаренкова?

– Макаренко, серость, – поправила я. – Хорошо, допустим, ты наврала ему про меня с три короба. А почему он сюда заявился?

– А что, ты считаешь, я должна была прогнать родного отца моего любимого племянника? – с напускным ужасом переспросила гадюка сестра.

– Ты была обязана согласовать такие вещи со мной! – заорала я. – Ты не имела права приглашать в мой дом мужчину, который меня предал.

– Это еще как посмотреть! – завизжала Галка. – Ты навер-

няка сама его вынудила так поступить.

– Ну ты и стерва, – взбесилась я и вынула из колоды самый старший козырь: – Ну, гони деньги, которые он тебе передал для меня.

– Вот еще, – сестрица проявила чудеса гибкости и выхватила-таки старое пальто из-за моего плеча.

Я ахнула, но она моментально выскочила на лестничную площадку.

– Верни бабло! – заорала я на весь подъезд.

– Можешь не волноваться, я все до копейки потрачу на Артема! – заверила меня сестрица, глядя на меня в пролет лестницы.

Знаю я, как же. Она купит ему грошовый самосвал для песочницы, а на остальное накупит шампуней и кремов. Как будто трехлетний ребенок нуждается в косметических средствах фирмы «Мэри Кей». Хотя чего я так напрягаюсь? Я же даже не знаю, сколько ей сунул этот блудный отец. Преподаватели во времена моей учебы зарабатывали так мало, что он ни разу меня не отвел даже в неприличный ресторан (я уж не говорю о приличном). Не думаю, что сейчас что-то изменилось, разве что Михаил Артурович поменял работу. Но это вряд ли. Стало быть, максимум, что он ей дал, – тысячи три рублей. Вздор, могу об этом даже не задумываться. Тем более у меня в понедельник получка. А вот что действительно важно и что нужно сделать немедленно – это позвонить Ольге и закричать «караул». Она взрослая замужняя

дама с двумя детьми, у нее есть искренне преданный муж, она гораздо умнее меня, вот и пусть советует, как выбраться из этого переплета.

– Надо присмотреться, чего он на самом деле хочет, – хлопнула кулаком по столу Оля.

– Зачем? – горячилась я. – Надо гнать его подальше, поганца.

– А ты чего так раздухарилась? – с подозрением осмотрела меня подружка. – Боишься, что ли, снова влюбиться? Ну-ка, признавайся!

– Это бред! – фальшиво возмутилась я. – Он мне сто лет не нужен.

– Брось, разве ты не об этом мечтала? – Соловейка откусила почти половину яблока и минуты три старательно пыталась ее прожевать.

– Господи, – сморщилась я. – Ты не боишься подавиться?

– Кто не рискует, тот не пьет шампанское. Яблоки – это панацея от всех болезней, – пояснила подруга.

– А, ну-ну, – пожала я плечами.

– Что ну-ну? – скривилась Ольга. – Именно что панацея. Только я их видеть уже не могу. Мне проще их целиком глотать. А еще, прикинь, самые полезные – кислые, и их надо съесть не менее пяти штук в день.

– Боже мой, не понимаю, как от такой кислятины ты сама не скисла. – Я попробовала в знак солидарности откусить кусочек от одного из ее чудо-яблок и поняла, почему их нель-

зя нормально есть. Эдакая суперполезная смесь стрихнина с недозревшим лаймом. Да, такое действительно можно только целиком глотать.

— Знаешь, а есть целый день одно только мясо еще хуже, — пожаловалась Олечка. — Печень начинает болеть и пищеварение портится. Клетчатка необходима. И потом, кажется, автор этой диеты и сам в итоге умер от ожирения.

— Нормально, — поразилась я. — А что ж его диета до сих пор так популярна?

— Потому что вдруг он умер не из-за этой диеты? Что ж теперь, отказаться от шанса иметь хорошую фигуру? Впрочем, я теперь совсем не знаю, что мне есть. Скажи, а? Яблоки или мясо?

— Да ешь ты что хочешь, — я разозлилась. — Скажи, что мне делать.

— А что? — мгновенно переключилась на мою волну подружка. — Все не так и плохо! Что такого, если этот рафинированный интеллигент будет деньги тебе таскать и сына баловать. Ничему не противоречит. Ты только не спеши ему в объятия бросаться. Приглядись, пойми, чего он задумал. Потому что потом, когда ты снова будешь голая лежать у него в кровати, думать будет поздно.

— Да не буду я лежать у него в кровати. У него там жена лежит! И вообще, я знать его не желаю, а ты толкаешь меня на путь падения и порока, — жеманничала я, но в целом Оля дала мне именно тот совет, который я так желала услы-

шать. Чего греха таить, покорное стыдливое выражение на лице Михаила Артуровича вкупе с деньгами и извинениями пролили сладостный бальзам на рубцы моих ран. Женская гордость пела громкие песни в моей душе. В основном текст состоял из возгласов «понял, гад, чего лишился» и «все вы у нас попляшете!».

Впрочем, не все было так романтично и безоблачно.

На следующий день, когда мы с Темой вышли немного поиграть на площадке перед отбытием в зоопарк, меня неожиданно стали спрашивать, действительно ли моя сестра сделала все, чтобы я была счастлива. Действительно ли эта святая женщина без обручального кольца умоляла отца ребенка вернуться ко мне и не бросать мальчика на произвол судьбы (читай «на произвол жуткой безмозглой мамы»).

– Это Галка так сказала? – чуть не задохнулась от возмущения я. – Она все врет!

– И то, что ты практически отказалась к нему вернуться? – ехидно переспросила соседка из дома напротив, мамаша очень неуравновешенной, нервной, истеричной девочки пяти лет.

Я мысленно плюнула через левое плечо.

– А кто сказал, что меня звали куда-то вернуться? Да если бы и звали, я бы не пошла!

– Да что ты, – недоверчиво улыбнулась соседка. – Это же глупо!

– С чего ты взяла? А может, он подонок!

– А еще она сказала, что это все ваша Ольга вас сбивает. Я не сама придумала, она всем так сказала, – соседка развела руками, показывая, что она ни при чем и к этим сплетням отношения не имеет. «За что купил – за то продаю».

– Боже мой, да кому ты веришь! – воскликнула я, в бешенстве пытаюсь придумать что-то, что свело бы мою сестрицу к состоянию таракана, попавшего в ловушку «Глейд».

– Она говорит, что почти уговорила вашего бывшего к вам вернуться! – с удовольствием подлила масла в огонь соседка.

– Так вот, знай. Она сама позвонила моему бывшему, потому что все это время была в него влюблена, – искренне и честно призналась я соседке.

– Да что вы говорите! – загорелись от восторга ее глаза. – И что, он знал об этом? Или даже не догадывался?

– Да, именно. Она его пригласила под предлогом воссоединения с моим сыном, а сама встретила его в нижнем белье. Когда я вчера вернулась, они уже совокуплялись. Прямо в бабушкиной комнате, на глазах у ни в чем не повинной старушки. Я ее потом весь вечер отпаивала валерианкой.

– Сестру?

– Нет, бабулю. Одно радует, что у нее склероз и наутро она уже ничего не помнила, – на ходу вдохновенно сочиняла я.

– Так, значит, у твоей сестры роман с твоим бывшим? – уточнила соседка.

– Именно! – разглагольствовала я.

– И как ты это перенесла? – поинтересовалась соседка.

Я пожала плечами.

– Поверь мне, ничем хорошим это не кончится. Уж я-то знаю этого типа. Поматросит мою сестренку и бросит. Бедняжка (тут я всхлипнула)!

– Действительно, бедняжка, – раздался знакомый голос за моей спиной.

– Михаил Артурович?! – ахнула я и немедленно покраснела.

– Вы мне только скажите, когда мы с вами договорились пойти в зоопарк – до моего совокупления со старушкой или после? – Его глаза смеялись, искорки этого смеха рассыпались вокруг и отражались в лужицах на асфальте.

У меня моментально пропал дар речи, но поскольку Михаил Артурович знал меня не первый день, он не стал допекать меня разговорами. А просто взял за руку и повел со двора прочь, в сторону своей машины. А соседка осталась сидеть, раскрыв рот и прикидывая, кому рассказать обо всем этом в первую очередь.

Глава 3, напоминающая последнюю серию мексиканского сериала

Всегда, все двадцать пять прожитых мною лет я страстно, неудержимо и преданно любила выходные. Градус моей любви, конечно, менялся. В грудном возрасте, наверное, любой мой день казался выходным, но не думаю, что я это как-то серьезно ощущала. Когда родился Темка, дни опять слились в одну трудовую кашу и воскресенье напоминало обычный день недели. Кормление-стирка-уборка-прогулка. Памятник тому, кто придумал памперс, и застрелить того, кто установил на него такую цену. Были моменты, когда я льстиво подлизывалась к Галине, чтобы раскрутить ее на пачку-другую. Да, тогда выходных у меня не было. Особенно сильно я ждала пятничного вечера, когда училась в школе. От всех других дней пятница отличалась прежде всего отсутствием уроков, а также восхитительным правом смотреть телевизор, пока глаза не вылезут из орбит. Вернее, пока не отрубись прямо перед теликом. Суббота – главный сонный день, когда ничто, абсолютно ничто на свете не должно вырывать тебя из объятий Морфея, кроме всемирного потопа и, пожалуй, танков, идущих по улице в направлении Кремля. А что, такое у нас в Москве уже бывало! Однако моя сестрица считала

святой своей обязанностью зайти ко мне субботним утром, чтобы уточнить, купила ли я соль или, скажем, буду ли я на обед мясную кулебяку? А когда я, сонная и злая, бегала по дому и пыталась прибить Галку тапкой, она орала: «Ну ты видишь, мама, какая она нервная!»

Мама всегда вставала на сторону Галины. Ольга считает, что у нее есть перед моей сестрой какое-то подавленное чувство вины, от которого мама поощряет теперь любые Галочкины сумасбродства.

– Ну почему я должна прислушиваться к ее мнению? Что, ее жизнь чем-то выгодно отличается от моей? – упиралась я, когда мама шепотом говорила, что «Галочка-де желает тебе добра, сделай, доченька, как она говорит. Не ссорься с сестрой. Она – самый близкий для тебя на земле человек!» – патетично добавляла мама и уходила в комнату к бабуле, чтобы украдкой всплакнуть.

На мой взгляд, Галина – самый далекий от меня человек на земле. Мне порой кажется, что моя милейшая бабушка понимает меня гораздо лучше, хотя ей на вид лет сто и она часто меня с кем-то путает.

– Ты испортила мне жизнь, – не устает повторять Галина. Она убедила в этом и маму, хотя, убейте, но я не понимаю, чем я могла помешать Галке трепаться с многочисленными подружками и безуспешно искать мужа.

– Ты испортила ей жизнь, потому что родилась и украла у нее добрую половину родительской любви! – открыла мне

глаза на ситуацию Ольга.

Я возмутилась, ибо не могу считать себя виноватой в том, что делала, находясь в грудном состоянии.

– Что же мне теперь, не стоило и на свет появляться?!

– А ей от этих аргументов не легче. Любой старший ребенок – свергнутый король. И всю жизнь он будет бежать вперед, чтобы достичь прежнего могущества.

– Только у него это не получится, – позлорадствовала я.

– Ага, и из-за этого она будет всегда пытаться уничтожить источник своего падения, – «утешила» меня подруга.

Примерно так наши отношения и складывались. Из года в год сестрица словно бы доказывала себе, что я бесполезное, никому не нужное недоразумение, по чистой случайности появившееся на свет. И в этом непростом и неблагородном деле вот уже четыре года главным аргументом служила моя беременность и неудавшаяся личная жизнь. Она наслаждалась моим падением, ей до такой степени нравилось видеть, что я одинока и несчастна, что она была готова кормить меня и поить, чтобы только не выпускать из того подавленного состояния, в котором я вышла из роддома.

Право слово, если бы не Ольга с ее веселым ничегонеделанием и помощью в самые трудные, самые громкие и невыносимые минуты Артемкиного младенчества, я бы и в самом деле поверила, что я полная неудачница. Но трудное время прошло, у меня появилась работа и ежемесячный конверт с независимостью и правом воспитывать сына как я хочу. По-

зиции сестры были несколько поколеблены. Теперь же, когда в эти выходные солидный и респектабельный Михаил Артурович усаживал меня с Темой в свои вишневые «Жигули», выжидающе и настороженно вглядываясь в мое лицо, сестрица должна была бы просто взбеситься от бессилия. Как же, ведь получается, что я не совсем пыль из-под ногтей, раз такой человек, такой мужчина помнил обо мне все эти годы, вернулся и просит принять его на тех условиях, на которых я захочу его принять.

– Спасибо, что не прогнала меня, – сказал Михаил Артурович, заводя машину. Тема восторженно водил рукой по пластиковой обшивке машины и не слушал, что мы там за бред несем. Он в свои три с половиной года был уверен, что машина сама по себе – ответ на все вопросы.

– А ты боялся, что прогоню? – не без некоторого злорадного удовольствия уточнила я.

– Боялся, – честно признался он.

– Михаил Артурович, а что подвигло вас на такой м-м-м неожиданный ход? – я решила провести по пути в зоопарк допрос с пристрастием.

– Ты имеешь в виду, приехать? Ну, меня пригласила твоя сестра. И можно тебя попросить? – нахмурился он.

– О чем?

– Не зови меня так. Какой я тебе Михаил Артурович. У нас с тобой общий сын.

– Знаете... знаешь, – поправилась я, – мне это в самом де-

ле так странно. Трудно перестроиться. Долгое время он был только моим.

– Ты бы хотела, чтоб так было и дальше? – уточнил он.

– Я не знаю. Честно. Конечно, если ты не пропадешь через месяц, оставив его страдать, наверное, будет здорово. Мальчику нужен отец. Но все это непривычно, и я не знаю...

– Ты мне не доверяешь? – спросил он.

Я снова разволновалась. Все слова повыпали из головы, и я просто кивнула.

– Именно. Не очень, Миша.

– Я тебя за это не виню. – Он замолчал, а потом достал из кармана сигареты и закурил.

Вот оно, первое глобальное отличие одинокой жизни от неодинокой. Я не курила, но сидела и терпела резкий табачный дым, потому что не хотела быть слишком грубой и спугнуть этого нового, непривычного человека в моей жизни. Отца ребенка. Чего греха таить, ехать в зоопарк не с Женькой и Ольгой в шумной, трясущейся от скачущих детей старой «Ауди», а с собственным мужчиной, пусть даже бывшим, – это было здорово.

– Мне просто надо привыкнуть. Ты скажи, а у тебя нет планов бросить его? – я понизила голос и кивнула в сторону Темки.

– Я не хотел бы давать пустых обещаний, но в этом ты можешь быть уверена. Его я не брошу. – Михаил Артурович затушил сигарету, а я поспешила открыть окно, чтобы

немного проветрить салон. Все-таки плохо, что он не ловит такие вещи. Мог бы покурить и на улице, тем более что мы приехали.

– Ну, мальчик-с-пальчик, выходи, – улыбнулся Михаил Ар... Миша.

Темка выскочил из машины и рванул через толпу к воротам тюрьмы для животных. Я дернулась за ним и заорала:

– Темка, стой. Сейчас получишь!

– Не волнуйся, я его догоню, – Миша сжал мою руку и побежал за сыном. А я осталась стоять на асфальте, обалдевшая. Рука горела от его прикосновения. Я подумала, что Олька была как всегда права. Она всегда во всем права, кроме выбора диеты. Я была на волосок от того, чтобы упасть в гостеприимные объятия предавшего меня мужчины. Дура я дура.

– Ну вот, ничего страшного. Я его поймал, – немного задышавшись от непривычной физической нагрузки, успокоил меня Миша, предъявляя торчащего у него из-под мышки отбивающегося Темку.

– Ты зачем убежал? – возмутилась я.

– А чево ты так медленно?! – возмутился Темка. – Там тигл!

– Не ругай его, – усмехнулся Миша. – Тигл – дело серьезное.

– Так ты мне его быстро испортишь, – фальшиво ворчала я.

На самом деле картина отца с сыном, переходивших, держась за руку, от клетки к клетке, заставляла мое сердце замирать от счастья.

— Думаю, что все-таки должен объясниться, — сказал Миша после того, как все павианы, крокодилы и жирафы были накормлены крекерами и попкорном, и мы сидели в кафе и пили горячий чай. Я изо всех сил старалась не уснуть от усталости, так что момент для объяснений был выбран самый что ни на есть верный. — Я давно думал о вас. О сыне, которого я даже не знаю. И о том, что ты меня, наверное, никогда непустишь даже на порог. И это, собственно, меня и останавливало.

— А что ж теперь не остановило?

— Однажды я тебя увидел. — Миша взял мою ладонь в свою и пристально посмотрел мне в глаза. Мои щеки стали пунцовыми. — Ты шла куда-то по улице и слушала плеер. Такая же, как и всегда, в каких-то грязных кроссовках...

— Ничего себе, как всегда, — возмутилась я.

— Не пойми меня неправильно, но тебе же всегда было наплевать на стиль, — растерялся Миша.

— Мне не наплевать на стиль! Просто он у меня спортивный. Я не хочу носить серьгу в носу, чтобы выглядеть сексуально.

— Тебе для этого достаточно раздеться! — ни с того ни с сего ляпнул Миша.

Я дернулась и запаниковала. Ох, ведь это то, о чем меня

Ольга как раз предупреждала.

– Что ты себе позволяешь!

– Ой, ну прости. Не удержался. Ты же совсем не изменилась. Зачем ты такая молодая и такая... – со значением причмокнул Миша.

– Прекрати.

– Ладно. Короче, ты шла с плеером в ушах, ни на что не реагируя. В этой своей оранжевой куртке а-ля стрелочник, помнишь? – Он говорил о моей норвежской всесезонной ветровке, в которой можно было жить, как в палатке. Ужасно удобная куртка, которой сносу нет, вот только ее цвет походил на униформу железнодорожных работников и всяких аварийных служб. Ну что я могла поделать, если лучше всего чувствую себя именно в таких вещах, пусть они хоть из секунд-хенда.

– Постой, но оранжевая куртка... она на даче. Я порвала один рукав, и потом, ей все-таки слишком много лет. Ты не мог меня видеть. И где ты меня видел? Когда?

– Две недели назад, на проспекте Мира. Я там покупал книжный чемодан, – сказал Миша, и на меня тут же накатили воспоминания. Когда наша с ним Большая Любовь была в самом разгаре, он иногда брал меня с собой по субботам, чтобы выбирать вместе книги для так называемого книжного чемодана. Миша был страстным библиофилом, и его дом просто забит книгами. Впрочем, я никогда и не была у него дома. Это вотчина Мишиной супруги. А, ладно, не об этом.

Тогда мы вместе бродили по самым разным книжным ярмаркам, то держась за руки, то разбредаясь в разные стороны. Он возвращался, с благоговением держа в руках какую-нибудь «Правду о Цусиме» или «Историю Древней Японии», на худой конец, одно из произведений Бунича, читать которые я была не в силах. Я же тащила книги по психологии (в основном для Олечки) и любовные романы разной степени любовности. Там были нежные, пронзительные истории Франсуазы Саган, где слово «роман» возобладает над словом «любовный». Но, каюсь, периодически это были «Разбей мое сердце» или что-то вроде «Полюби меня дважды».

– Ну, две недели назад этого никак не могло быть, – с облегчением выдохнула я. – Во всяком случае, не в оранжевой куртке.

– Я шел за тобой до самого метро. Это точно была ты. И походка, эта забавная походка женщины, которая никогда не носила шпильки. Просто удивительно, но ты совершенно не стремишься завернуться в обертку. – Он хлопнул меня по коленке.

Я подпрыгнула и задумалась – комплимент это был или оскорбление?

– Знаешь, я в курсе, что для нормального лова надо выглядеть чуть менее скромно, чем профессиональные проститутки с Тверской, но у меня давно пропало желание кого-то ловить.

– Мне кажется, его у тебя никогда и не было, – оглядев

меня с ног до головы, сделал вывод Миша.

Я решила сменить тему:

– И что было дальше, раз это была точно я?

– А дальше я тебя окликнул. Знаешь, в тот момент я подумал, что это знак. И что не зря я так часто думаю о тебе и о сыне.

– Как трогательно. И что я тебе ответила? Куда я тебя послала? – усмехнулась я. Все-таки в стремлении говорить правильные, красивые слова Миша, нет, Михаил Артурович порой заходит удивительно далеко.

– А ничего. Ты обернулась, и оказалось, что это не ты. Какая-то совершенно несимпатичная тетка лет сорока.

– Да, не повезло тебе! – с сочувствием закивала я.

– Поразительно, но я вдруг почувствовал, что снова тебя потерял! И теперь навсегда.

– Слушай, я же не брелок сигнализации. Потерял – нашел! Ты сам разрушил все.

Тема за время нашего «содержательного» диалога доела все крекеры и плов, так что теперь норовил уснуть прямо за столом. За окном начинало темнеть, хотя часы показали всего только без пяти шесть. Октябрь очень похож на апрель, только за окном нет капли и листья еще только-только слетели. И то, что ночь наступает намного раньше, придает всему осенний окрас...

– Я пришел домой и стал искать твой телефон.

– За две недели, как я понимаю, нашел. – Меня развеселил

его романтический пафос.

Честно говоря, я подумала, что всю эту историю он придумал, чтобы произвести на меня впечатление. Ну нельзя же сказать, что ты заявился к брошенной женщине через три с половиной года (четыре, если с беременностью) потому, что это просто пришло тебе в голову между чашечкой капучино и лекцией у третьего курса. Миша всегда умел обставляться красиво.

– Нашел я его на кафедре, в архиве, – обиженно поправил меня Михаил Артурович.

– А! То есть дома ты его не хранил? В это верю, – кивнула я и огляделась. Надо было собираться, Темка спал на Мишиных коленях, но мне почему-то это не показалось трогательным.

– Послушай, почему ты ко мне цепляешься?! – возмутился он. – Я стараюсь наладить с тобой отношения, но если ты будешь говорить со мной в таком тоне, мы не сможем...

– Я буду говорить и вести себя как захочу, но только, пожалуйста, не рассказывай мне баек о старухах в оранжевых куртках. Придумай что-нибудь поинтереснее.

– Ты мне не веришь?!

– Нет! Но что тебе до этого! – Я грубо рванула Темыча на себя, решив прекратить этот дурацкий семейный междусобойчик.

– Для меня это очень, очень важно!

– Почему?

– Потому что... потому что я хочу быть с сыном.

– Я тебе не мешаю. Можешь быть с сыном, для этого не нужны твои сказки. Оставь их для студенток, это придает живость твоим лекциям. – Я понимала, что выгляжу грубиянкой. Я понимала, что так нельзя, но ничего не могла с собой поделать. Если бы Миша рассказал, как в нем разыгрались отцовские чувства, как ему захотелось увидеть, что за сын у нас получился, я бы поверила. А так – какая-то мыльная опера. Возвращение блудного попугая. Я увидел твою оранжевую куртку и понял, что всю жизнь мечтал о тебе одной. Бред!

– Почему ты убегаешь? Что произошло? – недоумевал Миша, суетясь и пытаясь удержать меня на месте.

– Потому что это все смешно. Ты никогда меня не любил. У тебя всегда был свет в окошке – твоя жена. А я – так, романтическое приключение после работы. И не мог ты ничего вспомнить, ничего почувствовать.

– Почему? – изобразил боль на лице Миша.

– Да потому, что ты никогда меня не любил! Нечего было вспоминать!

– Ты не права. – Он сел и опустил голову. – Нет, ты права. Хотя я и не вру, девушка в оранжевой куртке была.

– Уже девушка? Еще пять минут назад она была теткой! – подколола его я.

– Не придирайся. Она проходила, я принял ее за тебя. Вспомнил о сыне. Я уже не так молод, чтобы разбрасываться

такими вещами.

– Вещами! – фыркнула я.

– И потом, ты же ничего не знаешь о моей жизни!

– И что в ней такого? Стало меньше острых ощущений?

– Я люблю тебя. Я знаю, это звучит глупо, но я на самом деле тебя люблю.

– О господи! – воскликнула я и понеслась к выходу. Темка проснулся и захныкал.

– Поверь, это правда, – семенил за мной растерянный дон-жуан.

– Допустим, – обернулась я. – И как на это смотрит твоя жена?

– Я ушел от жены, – тихо, но четко сказал Михаил Артурович.

Я замерла.

– Что?!

– Я расстался с женой. Совсем.

–..!

– Это правда, – кивнул он (по-моему, это была поза, но я уже не была ни в чем уверена).

– Так! Только не говори, что из-за меня.

– Из-за тебя. И из-за него. Я должен быть рядом с сыном.

– А рядом с дочерью ты не должен быть? – удивилась я.

Но Михаил Артурович уже снова вернул инициативу в свои руки и под локоть вывел меня на улицу.

– Дочь выросла и осталась с матерью. У нас прекрасные

отношения, но я всю жизнь мечтал о сыне. Пойдем, я отвезу вас домой.

– Хорошо, – кивнула я, радуясь хоть какой-то передышке в этом потоке прекрасных новостей.

Я просто не знала, как мне на все это реагировать. С одной стороны, происходило именно то, о чем я столько раз мечтала, грезила перед сном. Не хватало только рыцарской шпаги и бархатной шапочки. И еще, он должен был стоять на коленях, а не сидеть, потягивая чай с крекерами. Но в остальном все было именно так, как я хотела. Он любит меня, он обожает сына, и... он ушел от жены. Впрочем, это еще надо проверить, хотя то, как он это сказал, наводит на определенные раздумья. И что, если это правда? Падать в его объятия? Или немного поломаться? И вообще, неужели возможно, что я все-таки буду растить сына вместе с его отцом? А что? Красивая картина! Во всяком случае, хотела бы я посмотреть на выражение лица моей разлюбленной сестрицы, когда она будет кричать мне «горько».

– Приехали. – Миша остановил машину у моего дома. Я пожалела, что в выходные на дорогах совсем нет пробок. За те пятнадцать минут, что мы ехали от зоопарка, я и не успела собраться с мыслями. – Так что ты на все это скажешь?

– Я должна подумать, – выдавила я из себя только потому, что Ольге на святой книге «Психология настоящей женщины» поклялась, что обязательно пересилю себя и скажу именно это. Хотя картина Галки, посыпающей свою голову

пеплом и кричащей «на ее месте должна была быть я!», меня очень, просто очень воодушевила.

– Я тебя не тороплю, – нахмурился Миша. Видимо, он все-таки ожидал другого. Я же на негнущихся ногах пошла домой, переосмысливая каждое слово, передумывая все детали. Я пыталась определить, действительно ли Миша сделал мне предложение, после которого кричат «горько», или пока что я только выслушала сказки неожиданно прорезавшейся любви.

Поскольку измотанный Тема так и не проснулся, я не стала тянуть кота за хвост, а, уложив сыночка в постель, отправилась к Ольге на боевую переключку.

– Все это несколько странно, не находишь? – спросила я у нее, когда подробно и обстоятельно доложила обстановку.

– Расскажи мне весь ваш день по часам. Буквально по минутам, – задумчиво сказала она, потягивая чай с медом. Суббота – день отдыха и перемирия с фигурой, так что в данный момент Соловейка не практиковала никаких диет.

– Буквально я не понимаю, чего он хочет. А конкретно – какая муха его укусила?

– То есть ты хочешь сказать, что любить тебя и помнить о тебе все эти годы – это нереально? – Оля посмотрела на меня, как хирург смотрит на пациента, которого собирается немедленно распахать на куски. Для его же блага.

– Может, я помолчу? – испугалась я.

– Нет, говори. Значит, ты не считаешь, что тебя можно

любить. Дожили!

– Ну почему, – заюлила я. – Очень даже можно. Меня бабушка любит.

– Бабушка? Это та, которая в маразме? Показательно! – нависла надо мной Ольга. – Шубина, ты издеваешься? Ты живешь уже четыре года одна. Без секса, без мужчин, без мало-мальского флирта. Конечно, ты уже и забыла, что такое бывает.

– Ну, ведь на меня и в самом деле не обращают внимания, – разозлилась я. Разве я виновата, что меня мужчины замечают, только чтобы пробить билетик в компостере?

– Да кого ты лечишь! Я уж тебя прекрасно знаю. После этого вселенского облома ты сама никого к себе не подпустишь. Пусть он будет хоть принц датский!

– Неправда! – я была возмущена. – Я не отвергла еще ни одного принца датского. И потом, ты сама говорила, чтобы я не упала ненароком в Мишины объятия. А теперь еще и ругаешься. Тоже мне гуру.

– Я? Я ругаюсь из-за того, что ты не веришь, что тебя можно любить. – От расстройства Оля пошла к холодильнику, открыла его и долго разочарованно изучала его содержимое. – Все сожрали. Саранча.

– А что там было? – всхлипнула я. От избытка чувств я бы тоже не отказалась от какого-нибудь тортика.

– А пойдем, что ли, прогуляемся? – подмигнула мне Соловейка.

– До кафе?

– До кафе, – приложив палец к губам, кивнула она. Женька, измотанный целой неделей программирования, не воспринимал адекватно и радостно наши с Олькой побег, так что уходили мы очень тихо и по одному...

Глава 4,

в которой у меня появляется надежда

Матримониальные планы! Пусть отсохнет язык у той, кто скажет, что ей это все безразлично! Конечно, если в твоём паспорте стоит штамп во всю страницу, а на правой половине кровати еженощно храпит усталый, немного полноватый и начисто утративший охотничий азарт представитель мужской половины человечества, можно уже расслабиться и сказать, что замужество – совсем не панацея от всего на свете. Я также верю, что женщины, пережившие несколько браков и несколько разводов, уже относятся к маршу Мендельсона гораздо спокойнее. Он не занимает первое место в хит-параде женской души. Эти все повидавшие дамы знают, что мужчина, приносящий вам на блюдечке золотое кольцо, совершенно не стремится уменьшить количество ваших жизненных проблем. Даже скорее наоборот. У мужчины имеется совершенно четкий план, как усложнить, омрачить вашу жизнь, до краев наполнив ее скучными, рутинными обязанностями.

– Где моя чистая накрахмаленная рубашка?

– Почему кончились носки?

– Куда делась моя записная книжка, я вчера вечером держал ее в руках!

– Почему я должна знать, где твоя записная книжка?! –

возмущенно орет Ольга на своего благоверного, природная рассеянность которого с годами только усугубляется. Также Женька считает, что имеет право на горячий ужин. И страшно обижается, когда ему дают вместо рябчиков в сметане остатки детской каши. Это происходит почти каждый день, поскольку Ольга не собирается тратить свою жизнь на ежедневное приготовление рябчика в сметане.

– Мне что, делать больше нечего? – удивляется она.

Да, конечно, есть определенная вероятность того, что в один прекрасный день Женька хлопнет дверью и уйдет к той, у которой этих рябчиков (рубашек, носков и т. д.) полный холодильник – согласно теории Эйнштейна, вероятность есть на все и всегда – однако я очень хорошо знаю Олю Соловейка. Она – солнце, которое светит и днем, и ночью. Думаю, Женьке оно светит особенно по ночам. И потом, ее преданная любовь, ее способность встать рядом с Женькой в трудную минуту. Нет, думается мне, он не уйдет, даже если его будут заманивать омарами в кляре. Однако даже такой счастливый брак, как у моей Оли, – это гигантский труд (в основном Женин), огромное терпение (в основном Олино) и множество скандалов (примерно раз в три дня), когда происходит уточнение деталей.

– Ты ничего не делаешь, почему бы тебе не сходить на рынок самой? – интересуется Женя.

– Это не женское дело, и потом, чтобы ничего не делать дома с двумя маленькими детьми, надо иметь море сил! –

ответствует Оля и в красках, с яркими деталями расписывает свой обычный день. Дальше они немного кричат друг на друга, потом немного кричат на детей, после чего Женька идет на рынок за овощами. И это, между прочим, один из лучших вариантов семейной жизни.

Я очень хорошо понимаю, что моя семейная жизнь с Михаилом, если бы всевышнему было бы угодно ее организовать, выглядела бы совершенно по-другому. Во-первых, я бы безропотно крахмалила рубашки и научилась наглаживать на брюках стрелки. Сам факт наличия его брюк в моем ведении заставил бы меня это делать. Само собой, я подавала бы ужины. Может, не рябчиков. Может, простую картошку с котлетами, но обязательно каждый вечер. И конечно, я бы старалась создавать нормальные условия для его отдыха от тяжелой институтской работы, старательно игнорируя тот факт, что он зарабатывает там меньше меня.

– Весь этот бред ты озвучиваешь только потому, что он еще на тебе не женился, – заверила меня Соловейка. – Шубина, даже любимому сыну ты готовишь всего три раза в неделю – в понедельник, среду и пятницу. И пожалуйста, не думай, что какой-то там штамп в паспорте может как-то изменить тебя до неузнаваемости.

– Не знаю, – задумчиво отвечала я, ковыряясь в тарелке с пирожным. – Если он и правда решит на мне жениться, это будет просто чудо.

– Вот! Это именно то, о чем я и говорю. Почему ты счита-

ешь чудом замужество с престарелым учителем истории из университета, который ездит на «Жигулях» и считает себя пупом земли?

– Оля, очнись! Мне двадцать пять лет, и единственный мужчина, которому я не безразлична, – он. У меня есть образование, прекрасный сын, чудесная подруга, с которой можно пойти хоть на край света...

– Спасибо, – ухмыльнулась Ольга.

– На здоровье. У меня есть шесть соток земли, на которых я могу выращивать цветную капусту и сельдерей. Единственное, чего мне не хватает, – это собственной семейной жизни. Да, я хочу, очень хочу иметь штамп в паспорте. Я хочу отвезти на дачу рассаду на Мишиных «Жигулях». Я буду счастлива что-то там стирать. И мне все равно, что он старше меня на семнадцать лет.

– Ты его любишь? – уточнила Соловейка.

– Да какая разница! – возмутилась я. – У нас общий сын, он – моя Большая Любовь. Пусть женится, я уверена, что я снова его полюблю. В этом проблем не будет. Я боюсь только, что он снова будет ходить, приносить вафельные тортики, рассказывать сказки, что увидел меня в толпе и полюбил, а потом развернется на сто восемьдесят градусов и скажет, что я его не так поняла.

– То есть ты не уверена в серьезности его намерений? – подытожила Ольга.

– Именно. Не уверена просто ни на секунду!

– Ну, это не такая большая проблема. Раз ты все-таки хочешь, чтобы этот старый козел на тебе женился, то уж как это организовать, мы придумаем.

– Знаешь, если он женится – я отказываюсь считать его старым козлом, – обиделась я.

– Вот когда женится, тогда я пожму его честную мужскую руку, – усмехнулась Оля. – Слушай, чего ты насилуешь пирожное! Отдай его мне, если оно тебе ни к чему.

– Да бери, конечно. – Я кивнула и подвинула к ней размазанный по тарелке чизкейк.

Мы принялись разрабатывать стратегический план и решили, что я ни за какие коврижки не должна снова отдавать свое девичье тело в лапы моего сердцеда. По крайней мере, до того момента, пока в ЗАГС хотя бы не ляжет наше с ним заявление.

– И ты должна уточнить, действительно ли он развелся с женой, или же это сказки, – напомнила мне Ольга.

– Как?! – запаниковала я. – Что, выкрасть у него паспорт?

– Думаю, в вашей ситуации будет вполне уместным спросить это напрямую.

– Это же позор!

– Ну и что, – уперлась Оля. – Сделаешь, как миленькая.

– Как большая. Что еще?

– Еще?

Еще она решила, что видеться нам следует почаще, но только в присутствии сына. И что я должна всячески поощ-

рять попытки Михаила Артуровича создать для мальчика полноценную семью.

– Помни! Сын – твой главный козырь, раз уж так получилось. Все ж таки он именно из-за него к тебе вернулся. Всякая там любовь-морковь вторична, я уверена.

– Добрая ты! – надулась было я, но Ольга была права. Я понимала, что мужчины в целом, и Миша в частности, крайне эгоистичны. И женщин воспринимают как источник удовольствий и определенных возможностей. Например, возможностей продлить свой род. Таким образом, ценность женщины, к которой уже приложен симпатичный, здоровый и как две капли воды похожий на тебя наследник рода, – ценность такой женщины (особенно если учесть, что она младше тебя на семнадцать лет) возрастает многократно.

Именно на это я и делала упор всю следующую неделю. Михаил дважды заезжал за мной на работу, чтобы мы вместе могли забрать Тему из садика. Он даже поприсутствовал на родительском собрании, где гордо «якал» на перекличке после имени Тема Шубин, а потом с чувством исполненного долга внес в кассу (то есть в карман родительского комитета) тысячу рублей на подарок и Деда Мороза.

– А почему в октябре? – единственно поинтересовался он.

– Ну, во-первых, уже практически ноябрь. А во-вторых, это вы такой хороший отец и сразу сдали деньги, а многие будут уклоняться до самого декабря.

– А, ну тогда да, – удовлетворенно согласился он, смакуя

фразу о том, что он – хороший отец.

В конце всей этой карамельной недели я аккуратно спросила, действительно ли он РАЗВЕЛСЯ с женой или они пока просто разошлись. Михаил Артурович внимательно посмотрел на меня, а потом принес с собой свидетельство о расторжении брака. Оно, правда, было датировано еще мартом, то есть развелся он задолго до того, как, по его же рассказу, обознался по поводу меня на проспекте Мира. Но, помятуя о великой брачной цели, я не стала заострять внимание на деталях. Главное – развод не был мифом, не был сказкой, рассказанной для усыпления моей бдительности.

– Скажи, ты перестала на меня обижаться? – спросил Миша, когда в следующую субботу мы повели Артема в игровой клуб. Такие комнаты для игр сейчас можно встретить практически в любом крупном торговом центре. За умеренную плату детишек развлекают молодые симпатичные аниматоры, а родители в это время имеют возможность спокойно походить по магазинам. Мы с Мишей по магазинам не ходили, но время это провели с пользой, сидя в маленьком арт-кафе и выясняя то, что еще не было выяснено.

– Еще не знаю, – на всякий случай ответила я. – Прошло слишком мало времени. Я не совсем решила, как ко всему этому относиться.

– Относись к этому как к еще одному шансу. Мы можем многое изменить.

Миша явно переходил в наступление. Я задрожала. Толь-

ко бы не спугнуть. Ради сегодняшнего дня я даже изменила себе и накрасила губы, ресницы и ногти. Настоящая боевая раскраска. Плюс обтягивающие джинсы, придающие хоть какую-то стройность моим бедрам, и бордовая блузка с большим декольте, выигрышно подчеркивающим мою грудь. Очень выигрышно, если судить об этом по направлению Мишиного взгляда. Как ни старался он смотреть в мои чистые голубые глаза, а все время скатывался к вырезу на блузке. Что и требовалось доказать.

– Знаешь, работа – еще не все в жизни. Теперь, когда мне перевалило за сорок, я признаю это с полной ответственностью. Далеко не всем интересна история России. А самое ужасное, что после стольких лет преподавания вся эта кутерьма не так уж интересна и мне самому.

– Что ты, это же очень важно, знать свои корни. Без знания прошлого не может быть будущего, – старательно проявляла я внимание.

– Ты сегодня прекрасно выглядишь! – постарался в ответ он.

Дальше мы два часа обменивались осторожными, витиеватыми комплиментами. Я слушала его бесконечные рассказы о разных сражениях, он слушал мои байки о том, как рос Артем.

– Знаешь, если мы сможем найти общий язык, из нас может получиться неплохая семья. Да! – воскликнул он, провожая нас с Темой домой.

Я не стала развивать эту правильную тему, чтобы не спугнуть успех. Мне нужно было конкретное предложение типа: «Дорогая, прими это кольцо в знак моей искренней любви и согласишься стать моей законной супругой» или, на худой конец: «Давай поживем вместе, пока не пришло время идти в ЗАГС». Пространные, ни к чему не ведущие комплименты в зачет не шли. Однако все равно в моем сердце затеплилась надежда.

– Ну что, теперь ты небось рада, что я вернула тебе Михаила? – старательно убеждала меня в собственной незамеченности Галина.

– Ты вернула? Может, ты его на аркане тащила? – смеялась я. – Иди во дворе трепись, а меня нечего лечить. Я сама родилась, сама выросла и сама родила Артема. А теперь, чтобы только ты знала, сама замуж выйду. Если захочу.

– Тоже мне цапля! – в бессильной ярости плевалась Галка. – Все сама и сама. Да ты без меня и шагу бы не сделала! Да и не женится он на тебе. Что он – дурак? Вокруг море нормальных женщин!

– Таких, как ты, что ли? Может, передать Мише, чтобы он имел в виду и твою кандидатуру?

– Стерва!

Я на это только смеялась. Хотя внутри все время ощущала некоторое напряжение. Если эти новые, неожиданные отношения развалятся, если я опять останусь ни с чем, а последний шанс проскользнет у меня меж пальцев – я буду всю

жизнь сидеть в одном доме с Галиной, скандалить, ругаться, мечтать, чтобы это закончилось. А это никогда не кончится. Нет, я должна, должна уехать! Должна выйти замуж любой ценой.

Все разрешилось в самый неожиданный момент. Через пару недель Миша пригласил нас с Артемом к себе домой. Михаил несколько расслабился и уже не так откровенно пытался изобразить из себя в моем присутствии тульский пряник. Пару раз он позволил себе не довозить меня до дома, а высаживать около метро.

– Ты не обидишься? Сейчас в Москве такие пробки, а мне еще надо добраться до Бутова.

– Ну что ты, мне тут два шага, – согласно кивала я. Он должен был понимать, что я не стану напрягать его и требовать особого подхода, чрезмерного внимания.

Один раз мы, вместо того чтобы попить чаю в приличном кафе, разговаривали в «Макдоналдсе» за молочным коктейлем. Наши отношения становились все более близкими, хотя их романтика утекала в небытие. Я понимала, что надо как-то форсировать отношения, или мы так и завязнем на стадии «увидимся через неделю». И тут как раз подвернулось это приглашение. Я, признаться, даже несколько струхнула. За все годы нашего знакомства я, как уже упоминалось, не была у него дома ни разу. Во-первых, потому что там жила его жена. А во-вторых, потому что наш роман всерьез воспринимала только я. И вот наконец настал долгожданный момент. Я

пересекла порог его двухкомнатной и теперь уже холостяцкой берлоги в Бутове. Не ближний свет и ужасно далеко от моей работы, но брачному коню в зубы не смотрят. Я ходила по комнатам, осматривая свое потенциальное жилище. При всех минусах отсутствие той же Галины здорово работало в плюс.

– Раздевайтесь, я поставлю чайник! – по-хозяйски распоряжался Миша, всунув ноги в старые войлочные тапки.

– Давай я Темычу поставлю какой-нибудь мультик, – предложила я, потому что без мультика Артем мог начать разносить в пух и прах Мишино честно нажитое имущество.

– Ой, а у меня мультиков-то, наверное, и нет, – растерялся Миша.

– Да? Жаль. А у дочери что, совсем не было мультиков? – спросила я, отчего Миша хлопнул себя по лбу и сказал, что я просто гений. Мы покопались в каком-то шкафу и обнаружили запыленную кассету с «Изумрудным городом». Так себе мультик, на взгляд моего сына, предпочитающего Диснея, но тем не менее. Мальчик обреченно уставился в экран, Элли улетела к Гингеме, а мы на кухне стали готовить обед. Первый семейный обед. Миша, в фартуке наизнанку и в дурацком колпачке, рассыпал по кухне панировочные сухари, облил меня красным вином и расстроился. После чего я взяла инициативу в свои руки и, наплевав на Ольгино мнение, решила на рябчиков. В смысле, на курицу в винном соусе с гарниром из тушеных овощей с медом. Что-то такое я, со-

вершенно случайно, заучила наизусть из кулинарного журнала, который купила еще в начале недели.

– Боже, Люля, как ты готовишь! – восхитился результатом моих полуторачасовых усилий Миша.

Я старательно проигнорировала ненавистное мне Люля вместо Юля (так он именовал меня еще в институте, все время норовя перевернуть мое имя), решив, что все перевоспитательные меры оставлю на после брака.

– У меня много скрытых талантов.

– Как же мне повезло! – воскликнул Миша, когда я сервировала стол для чая (никогда раньше ничего подобного не делала).

– Это как посмотреть, – грамотно отреагировала я. – Ведь я, собственно, не твоя.

– Да? Это почему? А чья? – сыто возмутился он.

Не могу сказать, что его расслабленная поза, его брюшко в домашней облезлой футболке нравились мне с каждой минутой все больше, но процесс определенно шел в правильном направлении.

– Ну, пока что я – своя, – ответила я и принялась мыть посуду.

– Так кто тебе мешает стать моей? Я же тебе сказал, что готов исправить ВСЕ зло, которое тебе причинил.

– Да? Но отношения по субботам – это не совсем то, чего бы я хотела после этих четырех лет одиночества.

– Так ты ни с кем не встречалась? – мгновенно поймал ме-

ня на слове Миша. Я старательно все отрицала, но он уже решил, что я оставалась одна исключительно из любви к нему. Я хранила верность, чтобы в один прекрасный день он пришел и взял меня, однозначно. Я чуть не озверела.

– Мне просто было некогда встречаться с кем-то! Если ты забыл, ты сделал мне сына, которого надо было поднимать! – уточнила я.

– Конечно, конечно, – ласково кивал Миша, любуясь женщиной, которая четыре года ждала, когда он одумается. Это было отвратительно. Но, полагаю, именно это и послужило окончательным для него сигналом к тому, что я достойна стать той избранницей, с которой он встретит свою старость.

– Мы поедem, – попыталась я прекратить неприятный разговор.

– Зачем вам куда-то ехать? – он подошел сзади и коснулся моих волос. – Я буду рад, если этот дом станет и вашим. По-моему, Артему здесь понравилось, как ты считаешь?

– Что ты делаешь? – спросила я, поскольку Миша принялся целовать мою шею.

– Я? Я предлагаю тебе стать моей женщиной.

– Женщиной? – повернулась я к нему.

– Ну нет, конечно. Мужчиной! – усмехнулся он. – Хочешь, давай поженимся? Интересно, я еще могу дать сыну свою фамилию?

– А чем Окунев лучше Шубина? – подколола я его.

– Ну, если его мама будет Окуневой, то и сыну лучше быть

Окуневым, не так ли?

– Слушай, а мы не слишком торопимся? – я неожиданно даже для самой себя высвободилась из его цепких объятий и налила себе воды. Что-то как-то в горле пересохло.

– Ты что, не хочешь выйти за меня замуж? – с искренним недоумением вытаращился на меня Михаил. Потом, видимо, проанализировав мою реакцию, он сделал еще один вывод: – Ты думаешь, я шучу?

– Не знаю. Возможно, ты и не шутишь. Но просто, просто... ты предлагаешь мне изменить всю мою жизнь.

– А тебе этого не хочется?

– Допустим, хочется. Но я не могу вот так, с бухты-баракты, – терялась я.

– Значит, в принципе ты согласна, но только тебе надо привыкнуть к этой мысли? – резюмировал Миша с присущей интеллигентам лаконичностью.

– Что-то в этом роде, – подавленно кивнула я и попросила все же отвезти нас с Темычем домой. Там, в тишине собственной девятиметровой комнаты, я лежала, слушала ровненькое Темочкино дыхание и думала о том, что мечта сбывается. Сбывается самым лучшим образом, а я почему-то не так рада, как должна была быть. Что-то со мной не так, а что, я не могла понять. Миша нравился мне, по-прежнему нравился. Честно. У него была яркая харизма, он был прекрасным рассказчиком, что всегда искупало в моих глазах все внешние недостатки. Да, у него несколько маленький подбо-

родок, что выдает в нем не слишком волевого человека. Я с этим познакомилась на практике. Да, у него брюшко, он не любит делать зарядку, ненавидит копать в огороде, встречать рассвет в деревне, сидеть с моими подругами до полуночи, философствуя при свечах. Да, если мы поженимся, я буду жить за тридевять земель от Ольги. Все изменится до неузнаваемости. Когда-то, в институте, когда я узнала, что беременна, я бы пошла на край света, чтобы только видеть рядом с собой по ночам Мишино лицо. Теперь же почему-то я думала, стоит ли его лицо того, чтобы я меняла все, к чему привыкла? Все, что люблю. И хотя я отчетливо понимала, что, конечно же, выйду за него замуж, поскольку другого такого шанса у меня не будет, мысли метались в моей голове испуганными птицами.

– Наверное, это возраст, – пошутила Оля. – В двадцать пять гораздо труднее совершать необдуманные поступки.

– А в тридцать это станет окончательно невозможным, – мрачно констатировала я.

– Ерунда. Просто почему-то мне кажется, что ты уже не любишь этого своего Артуровича так, как любила его тогда, в институте.

– Ну, знаешь! Сколько воды-то утекло с тех пор. О любви я как-то вообще не думаю. Он мне приятен, с ним интересно, я его знаю. И потом, он – отец Артема. У него есть квартира, машина, работа. Он готов к серьезным отношениям. Отыщи мне хоть одну причину, почему я должна отказаться от всего

этого и остаться как дура одна?

– Причину? – задумалась Ольга. – Такой причины нет.

– Разве что потому, что я не смогу так часто видеть тебя.

– Или разве что потому, что ты в принципе задумываешься над этим вопросом, – ткнула меня в бок Ольга.

Я вздохнула. Все это было глупо, очевидно глупо. Поэтому, когда Миша приехал ко мне на работу с цветами и при всем моем отделе (а также клиентах, оплачивающих какие-то свои счета) сделал мне громкое и красивое Предложение, я согласилась. С условием, что мы доедем до моего дома, и он повторит весь спектакль в присутствии моей сестры.

Глава 5, дающая повод думать, что я не в своем уме

У каждого из нас, наверное, есть какая-то слабость. У кого-то слабость ездить на четырех колесах и тратить ползарплаты на запчасти и бензин. Кто-то ходит играть в футбол по выходным или, например, катается на сноуборде в свое удовольствие. У большинства слабость вполне традиционная для России – они ни за что не променяют диван и бутылочку пива (водки, коньяка, настойки «Охотничья») на какие-нибудь бесполезные лыжи, от которых (по их мнению) только еще больше устанешь. От таких было бы лучше держаться подальше, но тогда придется держаться подальше примерно от семидесяти процентов мужского населения страны. Так не я говорю – так говорит статистика. Шопинг – любимый вид спорта американцев, а для нас – русских – дринкинг и последующая игра в «помню – не помню». Почему-то особым шиком в кругах отечественного мужика считается провести выходные так, чтобы потом не иметь о них ни малейших воспоминаний.

– Ты помнишь, как разбил телефонную будку?

– Не-а. Че, правда?!

– Ага. И еще уснул около соседской двери. Изгадил весь

их коврики.

– Круто. Так им и надо. Хорошо отдохнул. Пива принес, – удовлетворенно взирает на себя со стороны Мужчина.

И не подумайте, что я какой-то там поборник здорового образа жизни. Глядя на Ольгины муки, я просто не желаю питаться правильно, потому что никто меня так и не убедил в том, что именно эта и никакая иная система единственно верная. Я просто предпочитаю есть простую пищу. А лучше всего для меня сварганить ужин из ингредиентов, выращенных на огороде собственноручно. И на праздниках я с удовольствием выпью, хотя, к своему стыду, почти никогда не напиваюсь и помню все, что было и чего не было.

– С тобой неинтересно, – злится на меня Ольгин Женька, мучаясь периодически головной болью после удавшихся выходов.

Я Женьку люблю и уважаю, поэтому не критикую. Да и Ольге ничего не скажешь, вот уж воистину женщина, которая любит своего мужчину таким, какой он есть. Иногда она из чувства солидарности даже напивается вместе с благоверным до потери реальности. И тогда я понимаю – нет, я не способна на большое и светлое чувство. Во-первых, я мелко радуюсь оттого, что мой Миша (а ведь теперь я с полным правом могу говорить, что он мой) не пьет, потому что у него давление и одышка. Во-вторых, если бы он пил, я бы, скорее всего, передумала выходить за него замуж. Моя любовь не вынесла бы даже этого простенького испытания. Тем более

что сестрица бы не замедлила высказаться:

– Нашла за кого замуж выходить. Алкоголик, конечно, тебя возьмет. Будет кому пиво по утрам подавать.

А так, поскольку Миша вообще, совсем не пьет и обладает массой скрытых и открытых достоинств, я имею возможность наблюдать постепенное, но необратимое позеленение Галины. Когда-то был такой фильм по рассказу Рэя Брэдбери. Кажется, «Куколка». Там один ничего из себя не представляющий товарищ в один прекрасный день взял и позеленел. Потом он вообще покрылся панцирем. А потом взял да и полетел. Так вот, Галина сейчас как раз на первой стадии. Сначала Миша (в соответствии с моими пожеланиями) приехал к нам за час до моего возвращения (чтобы сделать сюрприз) и, положив на стол торт, букет и открыв бутылку шампанского, сделал мне громкое исчерпывающее предложение. Весь вечер Галка ходила по дому сама не своя. Я слышала, как она в маминой с бабушкой комнате шипела:

– И что он в ней нашел? Обычная, ну просто ничего особенного. А одевается, как дворник!

– Видимо, понял, какая я неповторимая, – отбрила я сестричку, приоткрыв дверь.

Потом Тема стал часто говорить фразы типа «мне так папа сказал», «а папа маме подарил кольцо» или «папа считает, что мама в этом разбирается лучше всех». После этого ошутимого, практически материального счастья сестра начала принимать оттенок царевны-лягушки еще до того, как ча-

ры развеялись. Она стала постоянно хлопать дверьми и кричать: «Закрой за собой шампунь!», «Что ты разбросала здесь Темкины колготки?» и «Сколько можно ждать, пока ты помоешь за собой кастрюлю?».

– Ты-то сама ее раз в неделю моешь, оптом, – огрызалась я. Но не злилась, ибо понимала, как сестре тяжело.

Однажды Миша заехал к нам домой, и за чашкой чая, слушая нудное ворчание сестрицы, обронил:

– Ничего, Галочка, скоро вам станет полегче.

– Это еще почему? – удивилась Галина. Ведь чем ближе будет день моего бракосочетания, тем ей, справедливо, будет все тяжелее и тяжелее.

– Ну как же. Я все понимаю. Маленький ребенок в доме – это масса проблем, шум.

– Это уж точно, – с удовольствием подхватила Галка, не подозревая, какую подлянку ей подготовил Михаил Артурович.

– Совершенно естественно, что вы не должны этого терпеть. Ну ничего. После свадьбы Юлечка с Темой переедут жить ко мне, так что вам сразу станет легче.

– Что? – застыла с полотенцем в руке Галя. Мне даже стало ее немного жаль.

– Ну, у меня же своя квартира. А Юля вам не говорила? – нахмурил брови Миша. Я с нейтральным выражением лица листала новый выпуск «Домашнего очага». Мне, как будущей жене, последнее время было очень интересно читать про

то, как лучше выводить пятна с дивана и что надо сделать, чтобы с помидоров лучше снималась кожица.

– Нет. Она мне ничего не говорила. И с кем вы живете? – процедила Галка, видимо, надеясь, что хоть какая-то завалящая свекровь там на мою голову найдется.

– Да, собственно, я один живу.

– Удачно, – пробормотала Галина и мгновенно удалилась переваривать новость.

К вечеру она явилась ко мне, видимо, решив, что нашла идеальный способ испортить мне жизнь. Она присела на диван, опустила глаза и спросила:

– Ты считаешь справедливым вот так нас бросать?

– Я на вас не женилась, так что никого не бросаю. И потом, ты сама сто раз жаловалась, что от нас с Темкой одни проблемы.

– Это верно. Но если ты уедешь, то, значит, ты просто бросаешь бабушку и маму. На мои руки, – выдала коронный аргумент Галя.

– Ага. А твои руки с трудом тянут даже тебя саму, – закончила я за нее.

– Я не об этом. Просто, я полагаю, будет справедливым, если ты забереешь бабушку с собой, – закончила Галя, всем своим видом показывая, что и на меня найдется управа.

– Думаешь, будет справедливо, если заставить мужа (при слове «мужа» Галя потупилась) поселить в его двухкомнатной квартире кроме нас с Темой еще и впавшую в маразм

бабушку, которая к нему, между прочим, никакого отношения не имеет?

– А что тут такого? – взвизгнула сестрица.

– А то, что при этом здесь, в трехкомнатной квартире, очень удачно останешься только ты и обожающая тебя мама. Я там буду стирать, убирать и готовить мужу, сыну и бабуле, а мама тут будет стирать и готовить тебе. Да? – Я встала и нависла над Галиной. Та поежилась, но не сдалась.

– А разве справедливо, что я одна буду ухаживать за бабулей?

– Во-первых, я буду приезжать. Во-вторых, за ней и так ухаживает мама, потому что они с бабулей (между прочим) живут в одной комнате. Живут, чтобы ты могла наслаждаться покоем отдельной комнаты с балконом. А после моего отъезда мама сможет переехать в мою комнату.

– Все равно это нечестно, – в приступе бессильной ярости выдохнула Галька и убежала к себе, громко хлопнув дверью.

Я облегченно вздохнула, понимая, что это была только одна из атак, которые мне предстоит отбить. И действительно, Галинины нападки продолжались. Она пыталась приспособиться к делу изведения моих нервов маму. Мама покорно выговаривала мне, чуть ли не читая по бумажке, составленной сестрой. Я ужасно устала от всей этой кутерьмы, мне хотелось поскорее сбежать, однако с моим бегством тоже не все было так просто. С того момента, как на моем пальце засияло маленькое, но симпатичное колечко («оно с настоящим

изумрудом, береги его, пожалуйста»), Михаил стал предъявлять определенные требования. Конкретно, он начал меня помогать.

– Дорогая, может, оставим ребенка твоей маме и проведем этот вечер вдвоем? – зазывно дышал в трубку Миша в следующую за его Предложением пятницу.

Я запаниковала.

– Ой, я не могу. Я сегодня вечером иду в баню, и потом, мне неудобно вешать Темку на маму. Ты же знаешь, как Галя на меня набрасывается.

– Ну, тогда как нам поступить? Я очень, **ОЧЕНЬ** хочу побыть с тобой наедине, – выразительно подчеркнул Миша.

– Давай как-нибудь в другой раз, – пискнула я и моментально усвистела на все выходные на дачу.

Что делать? С одной стороны, как говорила Ольга, наше с ним заявление еще не легло на стол работника ЗАГСа, так что я смело могу валять ваньку. Но проблема была в том, что сама мысль о, так сказать, телесной близости с моим будущим мужем отчего-то не вызвала у меня ничего, кроме, пожалуй, желания срочно почистить зубы. Чтобы убрать неприятный привкус, появлявшийся, когда я представляла его голым рядом с собой в постели. С этим его брюшком, с немного морщинистыми руками, покрытыми рыжими, тонкими, кучерявыми волосками.

– Слушай, мать, да ты ж его разлюбила! – ахнула Ольга. – Окончательно и бесповоротно!

– Не говори так. Не смей! – возмутилась я. – Мне с ним еще жить.

– Да как ты с ним будешь жить? Слушай, а ведь в универе ты была от него без ума? Что ж такое?

– Да! Но я же уже давно не студентка! Только я его не хочу! Не хочу!

– Мама дорогая, это мы попали по полной программе, – развела руками Ольга.

Однако поскольку мысль о том, чтобы отменить свадьбу, отмелась мною сразу же, подруга тут же стала искать выход из создавшегося положения. Она достала откуда-то статистику, по которой выходило, что мужчины после сорока теряют чуть ли не половину своего этого «либидо».

– То есть мне не придется долго мучиться? – хмурилась я.

– Ну, это зависит от человека. А вообще, в браке мужчины быстро пресыщаются и могут обходиться без секса месяцами, – «утешала» меня Оля.

Я задумалась.

– И у вас с Женькой так же?

– Тьфу на тебя, – покраснела Оля. – Шубина, не мешай божий дар с яичницей. Женька – молодой, да к тому же влюбленный в меня мужик. Ты по нему не меряй. Твой старичок должен быть гораздо спокойнее.

– Что ты несешь! Позорище! – возмутилась я. – Я выхожу замуж и думаю о том, какие придумать отмазки, чтобы не исполнять свой супружеский долг. Хотя я три битых года

живу практически без секса. Я что, фригидна?

– Не знаю, – покачала головой Ольга. – Кстати, минимум одну неделю в месяц вопрос с сексом ты можешь закрывать начисто.

– Это еще почему? – опешила я.

– Потому, дура! Это наше святое женское право!

– А! – доперло до меня. – Точно. То есть не все так плохо.

– Вот. Но ты все-таки подумай. Ты уверена, что тебе это надо?

– Знаешь, – честно, но грубо высказалась я, – там, в отдельной двухкомнатной квартире, меня могут (теоретически) изредка поиметь в физическом смысле. А тут меня имеют ежедневно, причем в извращенной форме.

– Аргумент, – согласилась Ольга.

После этого я как раз и скрылась от пылающего страстью Михаила на даче. Мне надо было подумать. Осмыслить сложившуюся ситуацию. А где, как не на даче, в тишине и покое лесного массива, в ста километрах от московской суеты, я могла честно и без всяких уверток поговорить сама с собой?

Дача была моей слабостью, моим релаксом, перешедшим мне от покойного отца. Он тоже больше всего любил сидеть на дощатом полу напротив печной заслонки и смотреть на огонь. Он делал это часами, я могу заниматься этим сутками напролет. Причем, что интересно, если абсолютное большинство дачников с рюкзаками за спиной предпочитают проводить на даче весну и лето, я больше всего люблю

остальное время года. Нет, летом на даче тоже очень хорошо. Мне нравится наблюдать, как из чахлах ростков (а то и вовсе семян) вдруг начинают вырастать настоящие взрослые растения. Мне кажется, в этом есть какое-то колдовство, чудо, когда невзрачного вида лопух превращается в кочан капусты или какой-нибудь кабачок. А уж метаморфозы, которые происходят с тыквой, заставляют меня трепетать. Огромные желтые шары, то тут, то там мелькающие среди увядшей ботвы, — только на даче я понимаю, что жизнь — это хрупкий ручей, в котором все постоянно меняется, плывет, вытекает, втекает, превращается в океан. Как же велик создатель, который сумел выдумать правила и законы, по которым тыква вырастает и становится соком в моем стакане! Я с самой весны копаю землю, окучиваю, сею, пропалываю и поливаю единственно для того, чтобы иметь возможность наблюдать эти простые и непостижимые чудеса.

— А у вас капусточка-то уродилась! — постоянно завидуют мне соседи. — И огурцы. Вы чем удобряете?

— Ничем, — пожимаю я плечами. — Компостом. И сорняки не выбрасываю, а кладу под грядку.

— Странно, — говорит соседка справа, Кузьминична.

Она из года в год собирает прекрасный урожай. У нее на участке образцовый порядок, ни один сантиметр земли не расходуется даром. Но там, где она собирает ведро, я увожу мешками. Мой отец научил меня чувствовать землю, слышать ее дыхание, понимать, когда ей надо отдохнуть. И где

надо посадить чеснок, чтобы он вырос особенно вкусным.

– Ничего странного. Капусте не требуется столько навоза, – пытаюсь поделиться опытом я. Но мой опыт на самом деле никому не нужен. Каждый хочет по-своему пестовать и растить свой сад. Сад – это как ребенок. Все уверены, что правильная метода воспитания – это именно их метода воспитания, хотя метод тысячи, а дети все равно вырастают ровно такими, какими им хочется быть и какими их создал бог.

Именно поэтому я больше всего люблю жить на даче, когда жаркая пора взращивания и сбора урожая давно позади. В начале ноября Кузьминична уже не заглядывает ревниво через забор, чтобы пересчитать мои кабачки. Ее вообще уже нет в деревне. Она давно в городе, так как надо сидеть с внучками. В начале ноября я действительно одна посреди леса. Где-то в глубине товарищества сидят еще пять-семь таких же, как я, любителей осенней природы. Может, они тоже хотят о чем-то подумать? Только вряд ли о том, как отвертеться от семейного долга по отношению к будущему мужу.

– Мам, можно я поиграю в луже? – Артему неинтересно сидеть дома и смотреть на огонь. Его внутренний чертик постоянно тянет его на всякие безумства. Он вообще не очень одобрил идею провести выходные в изгнании. За это он требует права извальяться в грязи. Что ж, отчего нет?

– Иди, зайчик, – я разрешила ему все, что было можно, и в итоге всю субботу просидела дома, читая книжки, попивая чай и решительно ни о чем не думая. Ночью я с трудом

отмыла Темку от грязи и уложила спать. Сама завернулась в телогрейку и долго смотрела в ясное ночное небо, где переливались яркие звезды. Вот уж точно, чего никогда, никак и ни за какие деньги не увидишь в Москве. Бесконечная бездна из звезд, свисающая над твоим лицом. Запах живого огня, прилетевший откуда-то издалека. Кажется, жгли березу. Очень вкусный запах. А наутро, совершенно неожиданно для меня, все вокруг занесло снегом. И не просто каким-то тоненьким покрывалом, а настоящими сугробчиками в пятнадцать сантиметров толщиной.

– Мама, что это? – раскрыл от удивления рот Артем.

– Снег в начале ноября. Надо же! – поразилась я, хотя надо сказать, что, кажется, это не такое уж редкое явление.

Удивительным был не сам снег, а то, как все преобразилось вдруг. В один миг. Я открыла глаза, вышла на крыльцо нашего маленького бревенчатого дома со столь типичной для дачных поселков ломаной крышей и увидела, как вся даль в одну ночь, фактически за несколько часов стала белым-бела. Березы, еще вчера ссыпавшие остатки желто-зеленых листьев, покачивали теперь белыми, покрытыми снегом ветками, словно скоро Новый год. Остатки травы, которые вчера тоже были еще вполне зелены, тоже исчезли под толстым рельефным слоем снега. Словно из первых чисел ноября я сразу, в один миг попала в январь.

– Можно я слеплю бабу? Можно? Можно? – решил не терять ни минуты мой деятельный сынок.

– Да хоть мужика слепи, конечно! – рассмеялась я. И подумала, что в выходные могу сбегать от Миши сюда. Он сам, насколько я могла помнить, к радостям деревни, печки и огорода относился с явной прохладцей. Так что выходные, считай, я тоже пристроила. В будни он будет слишком уставать, чтобы доставать меня. В общем, я решила, что старый русский принцип «стерпится-любится» сработает и в этот раз. Конечно, придется как-то притерпеться к его поцелуям, к табачному запаху его кожи. Кстати, надо будет запретить ему курить в квартире. Все же там будет жить ребенок. Он должен это понять. Где-то отголоском в моей голове застучала мысль о том, что в двадцать пять лет рано думать, что я смогу навсегда отказаться от секса и от любви.

– Но я не буду уж совсем без секса. И без любви, – наврала я себе. И потом, обходилась же я без любви последние три года. И ничего, жива. Тысячи женщин обходятся без всего того, о чем пишут в романах «Полюби меня дважды». Жизнь – это не поле с красными маками. Приходится смириться с тем, что есть. Я смогу. Я справлюсь. Главное, у меня будет семья. Обычная, нормальная семья.

– Значит, ты себя уговорила? – полюбопытствовала Оля, когда я приехала домой. Усталая, запыленная и немного промерзшая в электричке, я вручила ей пакет с капустой и тыквой из отложенных в дачный погреб запасов.

– Угу. Уговорила, – подтвердила я. – И это не потребовало больших усилий.

– Звонила Галина. Искала тебя.

– Зачем? – сморщилась я, словно откусила лимон.

– Говорит, что тебе обзвонился Михаил. Галка говорит, что это просто свинство уезжать на дачу, оставляя мужчину страдать в одиночестве.

– А что она еще говорит? Что готова, если надо, меня поменять? – усмехнулась я.

– Говорит, если бы она была невестой, уж не уехала бы. Ни за что, – хмыкнула Соловейка. – Шубина, может, им и вправду познакомиться поближе?

– Ну уж нет, – отрезала я и побежала звонить Михаилу.

Он был рассержен, раздражен и обижен. Мне пришлось долго ворковать, что я «никак не могла предположить, что он будет скучать», «что Темочка очень давно просился на дачу (вранье)» и что больше такого не повторится.

– Юлечка, давай завтра после работы съездим в ЗАГС, – в конце нашего душещипательного диалога предложил Михаил.

– Зачем? – растерялась я. Что, уже? Пора в стойло?

– Ну как? Подадим заявление. Ты не возражаешь? – видимо, целый уик-энд в одиночестве прищипорил моего коня.

– Нет, конечно. А мы успеем? – пыталась я найти отговорки.

– Ты заканчиваешь в пять?

– Ну да, в принципе.

– Ты не можешь чуть-чуть отпроситься? А я займу в

ЗАГС очередь. Он до шести, – деловито проинформировал меня мой избранник.

Я вздохнула. Уж конечно, ради такого случая меня отпустят с работы пораньше. А может, сказать, что у нас на этой неделе аврал и мы все будем в офисе круглосуточно?

– Я отпрошусь, – обреченно кивнула я.

– Диктую адрес. Это там, где ты Тему регистрировала, как я понимаю, но на всякий случай запиши, – обрадовался Миша.

Все-таки интересно, почему он с такой готовностью теперь женится на мне? Может, что-то изменилось в нашем мире, где мужчины демонстративно заглатывают свой паспорт перед ЗАГСом и даже слагают про это песни? А вдруг, пока я любовалась на звезды, мир перевернулся и теперь только полные дуры выходят замуж? Но нет, Ольга кивает и показывает неприличный жест, обозначающий что-то типа «мы его сделали». Да!

Я иду домой и ложусь спать. Во сне вижу себя, сидящую посреди дороги. Прямо, можно сказать, на проезжей части. Вокруг меня несутся машины, они мне библикают, объезжают меня. Из окон этих машин выглядывают всякие злые бородатые морды. Они орут, матерятся, называют меня идиоткой. А я ничего не могу поделать, потому что сил встать и уйти с проезжей части у меня нет. И наконец, прямо на меня начинает лететь большой, огромный желтый «Икарус». Я вижу его издали, я понимаю, что он слишком большой, что-

бы затормозить или меня объехать. И у него слишком большая скорость, чтобы я успела куда-то отпрыгнуть. Водитель «Икаруса» тоже замечает, что на его пути препятствие. В его глазах плещется ужас не меньший, чем тот, который в этот момент испытываю я. Водитель библикает, пытается тормозить, автобус заносит, отчего его резиновая гармошка посередине, соединяющая передний и задний салоны, забавно сгибается. Автобус очень похож на баян, как будто на нем прямо сейчас кто-то играет. Но мне не смешно, потому что автобус летит прямо на меня. Я понимаю, что столкновения никак не избежать, закрываю глаза, потому что свет его фар меня слепит. Раздается страшный грохот, видимо, автобус задел еще какую-то машину. Я вся сжимаюсь, скукоживаюсь, пытаюсь превратиться в точку, в невидимку. Я жду удара, он вот-вот... Сейчас... Еще секунда. Полсекунды. Один миг до удара...

– Ты че орешь? – раздается у меня над ухом чей-то голос.

– А? Что?

– Ты кричала во сне! – кто-то обиженно толкает меня в бок. Темка.

– Прости, маленький. – Я вытерла пот со лба.

Господи, привидится же такое. К чему бы это? Надо бы спросить у Ольки, она мастер по интерпретации (или, как она говорит, по интертрепации) снов. Времени на разговоры не было, поэтому я позвонила Соловейке с мобильного.

– К дождю, – заверила меня Ольга, пока я бежала к оста-

новке, прижимая мобильник к самому уху. – А может, ты что-то не то съела?

– Ага. Или выпила. – Я разозлилась, потому что в глубине души ждала какого-нибудь умного и глубокого объяснения.

– Вы сегодня подаете заявление? – уточнила она.

– Посмотрим. Вдруг он не придет?

– А ты? Ты точно придешь?

– А с чего мне не приходиться?

– Ну не знаю. Вдруг ты решишь, что это вещий сон, и отменишь свадьбу? – ерничала Соловейка.

– Не дождетесь. Свадьбу я не отменю, даже если меня и в самом деле переедет автобус.

– Ну-ну, – легко согласилась Ольга.

Весь день я просидела как на иголках. Мне все казалось, что должно случиться что-то ужасное. Не может, ну не может такой кошмар присниться просто так. Однако ничего так и не произошло. Никто не попытался захватить наш банк. Никто не приставил к моему виску пистолет с требованием открыть самый главный, самый большой сейф. Никто не взорвал бомбу около нашего здания. Никто даже не споткнулся на нашем достаточно скользком крыльце из-за слякоти, вызванной неожиданным снегопадом, который с воскресенья так и не прекращался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.